

Ю. Л. Фохтъ.

Франсуа Раблэ, его жизнь и творчество.

... быхъ падая по книгамъ,
аки пчела по различнымъ цвѣ-
томъ: оттуду избираю сла-
дость словесную, совокупляя
мудрость, яко въ мѣхъ воду
морскую.

Данила Заточника Моленіе.

МОСКВА.

Типографія Я. Г. Сазонова, Никитскія ворота, д. 31, телеф. 81-20.

1914.

Въ тридцатыхъ годахъ XVI-го вѣка въ Ліонѣ, уже тогда славившемся своими шелковыми фабриками и широко развитымъ типографскимъ дѣломъ, вышла книга, подъ заглавіемъ: „Пантагрюэль, король дипсодовъ, изображенный въ его настоящемъ видѣ, а также описаніе его дѣяній и страшныхъ подвиговъ, составленное покойнымъ Алькофрибасомъ, отвлекателемъ квинтэссенціи“. И хотя въ книгѣ рассказывались самыя невѣроятныя вещи, авторъ заклиналъ всѣхъ порядочныхъ людей вѣрить, что все изложенное въ ней — правда, а въ противномъ случаѣ грозилъ наслать на нихъ лихорадку съ цѣлымъ роемъ всякихъ ужасныхъ болѣзней...

Пантагрюэль имѣлъ колоссальный успѣхъ. Тогда Алькофрибасъ снова взялся за перо и выпустилъ другую исторію въ томъ же родѣ (раньше, вѣроятно, только набросанную имъ вчернѣ, а теперь окончательно отдѣланную) подъ заглавіемъ: „Весьма диковинная жизнь Гаргантюа, отца Пантагрюэля. Книга, полная пантагрюэлизма“.

И эта фантастическая хроника очень быстро разошлась въ большемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ сколько расходуется Библий въ девять лѣтъ...

Кто же былъ таинственный Алькофрибасъ, и въ чемъ заключался секретъ его необычайнаго успѣха? Подъ замысловатымъ псевдонимомъ скрывался геніальнѣйшій писатель вѣка, причудливый, какъ и его романъ, Франсуа Раблэ; а его исключительная популярность объяснялась замѣчательной глубиной, силой и юношеской свѣжестью его на рѣдкость разносторонняго таланта.

Ободренный успѣхомъ, Раблэ издалъ въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ еще третью и четвертую книги романа, подписавъ ихъ уже настоящимъ своимъ именемъ; пятая осталась въ черновыхъ наброскахъ и вышла лѣтъ десять

спустя послѣ его смерти. Надъ ней, несомнѣнно, поработала уже чья-то чужая рука...

Романъ Раблэ, по соединенію въ немъ дикой фантазіи съ совершенной трезвостью ума; чудовищной несуразности цѣлаго — съ художественной законченностью отдѣльных частей; глубочайшей грязи — съ тончайшимъ изяществомъ; необузданнаго цинизма — съ дѣтской наивностью и непосредственностью; нелѣпаго шутовства — съ изумительной житейской мудростью, — представляетъ произведеніе, не имѣющее себѣ подобнаго и равнаго во всемирной литературѣ.

Чтобы вполне понять и оцѣнить содержаніе этой необыкновенной книги, надо принять въ расчетъ не только характеръ и настроеніе той эпохи, въ которую она возникла, но и обстоятельства личной жизни ея творца. Этотъ мускулистый, здоровый плебей былъ точно самой природой созданъ для того, чтобы сочетать стихійную народную силу съ просвѣщенными взглядами гуманиста, массу пріобщить къ культурѣ, а культурѣ придать общедоступный характеръ, въ соотвѣтствіи съ потребностями массы; научную или моральную истину пустить въ обращеніе, прикрывъ ее плащомъ невинной шутки; а въ науку и мораль внести безошибочный здравый смыслъ простолюдина.

Въ средніе вѣка „распалась связь временъ“: разрушены были классическая простота и стройность античнаго міросозерцанія; наука и мораль разошлись съ жизнью, съ требованіями человѣческаго разума и естества. Раблэ былъ призванъ возстановить эту связь — дать въ своей личности и въ своемъ творествѣ конкретный и художественный синтезъ разобцившихся началъ. Онъ примирялъ язычество съ христіанствомъ, теологію съ разумомъ, нравственность съ природой. Въ этомъ его историческая роль. Но ею не исчерпывается его значеніе; какъ геній, онъ далеко шагнулъ за предѣлы своего времени, и ярко свѣтитъ намъ изъ глубины вѣковъ...

Родиной его (онъ родился въ 1483 г.) была благословенная, привольная Турэнъ, съ ея пышными виноградниками, тихими лѣсами и задумчивыми рѣками, а въ ней — городъ Шинонъ, городъ древній, знаменитый, лучший въ мірѣ,

какъ съ истинно-сыновней нѣжностью отзывался о немъ впоследствии Раблэ. Отецъ его былъ мелкимъ винодѣломъ и содержалъ погребокъ. Воспоминаній безпечно проведеннаго дѣтства и позднѣе — кочевой студенческой жизни — полны страницы его романа. Въ младенцѣ Гаргантюа, который проводитъ время въ питьѣ, ѣдѣ и снѣ, купается въ грязныхъ лужахъ, считаетъ мухъ, сморкается въ супъ, стаптываетъ обувь, портитъ платье, плюетъ въ колодезь, чешетъ пузо корзинкой и катается на деревянныхъ коняхъ, Раблэ изобразилъ, конечно, себя самого. Этотъ ребенокъ наивенъ и неуклюжъ, какъ породистый щенокъ, но въ немъ много природнаго здраваго смысла, милой простоты и дѣтской, хлопотливой изобрѣтательности... Въ разсказахъ о подвигахъ героевъ романа то и дѣло мелькаютъ названія близкихъ авторскому сердцу турэнскихъ деревушекъ, превращенныхъ его смѣлой фантазіей въ большіе города, важные стратегическіе пункты; точно такъ же побоища школяровъ — напр., у давилъни Billard или у брода черезъ рѣчку Веду — разрастаются у него до размѣровъ всемирно-историческихъ битвъ. На каждомъ шагѣ передъ нами картины мирной сельской жизни, тѣхъ блаженныхъ лѣтъ Раблэ, когда горизонтъ ограничивался для него предѣлами родного шинонскаго округа... Вотъ изъ сосѣдняго Лериэ медленно ползутъ возы съ пирогами... Пастухи стерегутъ виноградники отъ скворцовъ, а въ орѣшникѣ, съ мѣшками въ рукахъ бродятъ мызники, флегматично перекидываясь другъ съ другомъ словами... Тихо. Солнце садится за лѣсомъ. И вдругъ — вопли, возня, глухіе звуки ударовъ, — и всѣ бѣгутъ на шумъ внезапно вспыхнувшей драки. Ходятъ по головамъ дубинки, только что обивавшія орѣхи... Все это и многое другое списано прямо съ натуры.

Самый Шинонъ — мрачная феодальная крѣпость. Но у подножія ея заплѣсневѣвшихъ стѣнъ, украшенныхъ башенками, щипцами, бойницами и прочими принадлежностями военно-готической архитектуры, толпятся и лѣнятся разнокалиберные дома и домики мирнаго населенія. Здѣсь много рѣжущей глазъ пестроты: вотъ домъ съ претензіей на стиль, со сводами, съ низенькими узорчатыми дверями, на подобіе

церковного портала, съ нишей, гдѣ полускрытая каменнымъ кружевомъ виднѣется статуя Богородицы; а вотъ деревянный кое-какъ сколоченный срубъ мастерской, съ раскачивающейся надъ дверью скрипучей вывѣской и изображенными на ней орудіями производства. Здѣсь украшенный гербами замокъ, тамъ грязный кабачокъ, откуда несется веселый звонъ стакановъ и пьяный говоръ собутыльниковъ... Грубая старая сила и новая еще неуклюжая роскошь, и непокрытая нищета рядомъ съ зарождающимся довольствомъ торговой и промышленной буржуазіи, тѣни тревожнаго прошлаго, тающія подъ лучами восходящаго солнца мира,— таково это раннее Возрожденіе, начинающееся во Франціи послѣ изгнанія англичанъ. Подъ сѣнью окрѣпшей королевской власти, подъ защитой городскихъ стѣнъ, вновь пробуждается подавленный тяжелыми испытаніями лукавый „галльскій духъ“ и наполняетъ воздухъ радостнымъ шумомъ своихъ проказъ. Порой, по старой привычкѣ или словно заигрывая со средневѣковыми пугалами, онъ строитъ постное лицо, заставляетъ набожно складывать руки, — и вдругъ циническій жестъ шутовская гримаса и громкій хохотъ — *à gorge déployée* — даютъ вамъ понять, что все это напускное, что довольно трястись отъ страха, спасая душу и тѣло, пора веселиться во всю...

Нетрудно представить себѣ, какъ ожило, зашевелилось, зацвѣло и заплѣло все въ атмосферѣ этого мирнаго довольства, безоблачнаго счастья бытія; какъ прорастали, покрывая мощной флорой французскую почву, сѣмена заносной культуры, какой радушный пріемъ должны были встрѣтить здѣсь глубокія и вмѣстѣ радостныя откровенія классической древности!

Въ этой атмосферѣ, на этой тучной почвѣ возникъ и развился талантъ Раблэ. Въ его могучемъ организмѣ ключомъ била энергія, непочатая народная сила. Онъ хотѣлъ видѣть, слышать, чувствовать и знать все, и смѣло и жадно окунался въ кипучія волны бытія. И все поощряло его къ труду, вселяло вѣру въ свѣтлое будущее. Иго церкви, казалось, было сброшено навсегда. Дружными усилиями восторжествовавъ вмѣстѣ съ націей надъ внѣшнимъ врагомъ,

короли XVI-го вѣка платятъ ей благодушнымъ вниманіемъ, величаво-ласковой фамиллярностью. Раблэ видѣлъ ихъ и съ дѣтства привыкъ возлагать на нихъ благія упованія. Ребенкомъ онъ громкими криками привѣтствовалъ своего короля, когда тотъ, возвращаясь изъ итальянскаго похода, проѣзжалъ мимо стараго Шинона. Эти короли — друзья подданныхъ, и поэтъ буржуа увѣковѣчитъ ихъ въ образахъ своихъ невозмутимо спокойныхъ и мудрыхъ монарховъ-гигантовъ.

Но средніе вѣка еще не совсѣмъ сошли въ могилу. Раблэ убѣдится въ этомъ горькимъ опытомъ. Въ чашѣ земныхъ его радостей окажется немало яду... За толстыми и высокими стѣнами монастырей, въ затхлыхъ аудиторіяхъ школъ и университетовъ, въ грязныхъ залахъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ, въ извѣденныхъ крысами библіотекахъ живетъ по прежнему многоголовая гидра тупого и самодовольнаго невѣжества, бесплоднаго словопренія, свирѣпаго фанатизма и прикрытаго маской святости разврата. Щупальцы ея шевелятся, недреманное око бдитъ надъ дѣяніями осмѣлѣвшихъ грѣшниковъ, когтистая лапа выхватываетъ изъ ихъ толпы то того, то другого, а пасть изрыгаетъ огонь, отъ котораго загораются костры еретиковъ... Раблэ боролся съ этимъ чудовищемъ; оно горячило въ немъ кровь, питало воображеніе, его смѣшныя и трагическія проявленія дали содержаніе его сатирѣ... Но одолѣть его онъ все-таки не могъ, и усталый, хоть не побѣжденный, видѣлъ наклонѣ лѣтъ, какъ, грозно вздыбившись еще разъ, оно обратило въ прахъ его воздушные замки.

Въ самомъ Раблэ, наконецъ, оставалось еще много средневѣковаго. Подобно младенцу Пантагрюэлю, онъ избавился отъ тираніи своей люльки — но только унесъ ее на плечахъ...

Уже первоначальное образованіе Раблэ носило чисто средневѣковый характеръ. Онъ началъ его въ школѣ сосѣдняго монастыря Селье, а продолжалъ въ монастырѣ *Baumette*, близъ Анжера. Здѣсь ему набивали голову неудобоваримымъ мѣсивомъ изъ грамматикъ, назидательныхъ хрестоматій, катехизисовъ и отпрепарированныхъ по правиламъ схоластики

отрывковъ изъ древнихъ авторовъ съ наскоро состряпаннымъ къ нимъ комментариемъ. Только исключительно здоровыя натуры могли безнаказанно глотать эту снѣдь, а большинство отъ нея „шалѣло, тупѣло и приходило въ состояніе умопомѣшательства“. Раблэ ее вынесъ, но за то всю жизнь потомъ и ненавидѣлъ школьную рутину. Польза для него пребыванія въ Baumette состояла въ томъ, что онъ сошелся здѣсь, на школьной скамьѣ, съ представителями видныхъ аристократическихъ родовъ, напр., съ членами вліятельной фамиліи дю-Беллэ, которые не разъ выручали его впослѣдствіи изъ затруднительныхъ обстоятельствъ...

Усвоивъ себѣ въ ихъ средѣ вкусы не по состоянію, сынъ бѣднаго винодѣла не могъ уже удовлетвориться условіями жизни въ родительскомъ домѣ. Тогда отецъ заставилъ его сдѣлаться монахомъ. Пятнадцать лѣтъ провелъ Раблэ въ скучной обители Фонтенэ-ле-Конть и вынесъ изъ нея глубочайшее отвращеніе къ монастырскому режиму. Здѣсь ему пришлось имѣть дѣло съ людьми тупыми и упрямыми, чья умственная дѣятельность была точно усыплена невозмутимой тишиной вандейскихъ лѣсовъ, подавлена, какъ вогнутая береговая линія, тяжестью напиравшаго на нее соннаго моря... Здѣсь всякіе порывы любознательности считались бесполезной и грѣховной затѣей, и не было у этихъ невѣжественныхъ францисканцевъ иного идеала, кромѣ идеала невозмутимо спокойнаго, скрытаго отъ постороннихъ взоровъ существованія. То было царство спячки, обжорства и тиранической рутинѣ, въ цѣпяхъ которой задыхался живой и жаждавшій познаній умъ Раблэ. За эти муки онъ отплатилъ потомъ сатирой, насквозь пропитанной ароматами монастырскихъ испареній. Излюбленные жесты и позы монаховъ, сонное бормотанье молитвъ, гнусавое пѣніе во время молебновъ и торжественныхъ процессій „для отвращенія козней враговъ“; шалости новиціатовъ; красные носы и потныя лысины братьевъ, склоненные надъ кружкой вина или жирной монастырской похлебкой; ихъ варварская „кухонная“ латынь—все это, во всей своей нетронутой красѣ, перейдетъ потомъ на страницы гениальнаго романа... Здѣсь работаютъ только за обѣденнымъ столомъ, а прочее время—

дремлютъ. Въ библіотеку никто не заглядываетъ. Но и любителямъ читать въ ней нечего было бы дѣлать, потому что она набита нелѣпымъ схоластическимъ хламомъ. Въ сатирическомъ каталогѣ книгъ библіотеки св. Виктора Раблэ остроумно осмѣетъ потомъ заглавія хранящихся здѣсь „назидательныхъ“ сочиненій: Колесница спасенія, Яблоко пороковъ, Клубокъ богословія, Туфля декретовъ, Горчичникъ раскаянія и т. д.

Раблэ ухитрился однако добывать болѣе интересныя книги со стороны и читалъ ихъ тайкомъ отъ братіи, при слабомъ свѣтѣ ночника, въ своей кельѣ; въ этомъ дѣлѣ у него былъ „сообщникъ“—Пьеръ Лами. Они вмѣстѣ изучали еврейскій и греческій языки и изъ своей тюрьмы переписывались съ свободными гуманистами того времени—напримѣръ, съ знаменитымъ эллинистомъ Бюдэ... Наконецъ ихъ накрыли. Преступникамъ грозила, по всей вѣроятности, суровая эпитимія, но... тутъ они бѣжали, оставивъ, по выраженію Раблэ, „свое опереніе среди крапивы и терновника монастырской ограды“.

Радость охватила Раблэ, когда онъ снова очутился на волѣ. Какое счастье—дышать чистымъ воздухомъ, имѣть право смотрѣть на все, интересоваться всѣмъ, свободно отдаваться впечатлѣніямъ бытія и наукъ! Опальный инокъ спѣшитъ насытить умъ и удовлетворить свои потребности живого, здороваго человѣка. Съ увлеченіемъ гербаризируя въ лугахъ и лѣсахъ во время своихъ продолжительныхъ пѣшихъ странствованій, набивая карманы цвѣтами, травами и древесными вѣтками, чтобы потомъ на досугѣ внимательно разсмотрѣть всю эту коллекцію, онъ въ то же время охотно останавливается поболтать съ какой-нибудь прохожей старушкой-вѣковушей или коренастымъ дровосѣкомъ и обогащаетъ свой лексиконъ ихъ мѣткими словечками и образными выраженіями, которыхъ такъ много разсыпано по страницамъ его романа.

Нѣкоторое время Раблэ живетъ въ Лигюжэ, у своего друга, епископа Эстиссака, который, какъ нѣкогда Діоклетіанъ, удаляясь отъ міра и заглушивъ въ себѣ честолюбивыя мечты, въ зеленой тишинѣ своихъ садовъ со страстью

предался выращиванью овощей и фруктов... Но вѣроятно скоро на душу Раблэ повѣяло отъ этой мирной жизни знакомой скукой монастырскихъ стѣнъ... И жажда приключений погнала его дальше. Начинаются его скитанія по университетамъ; слѣды этого сохранились въ дневникѣ Пантагрюэля. Не найдя настоящей науки въ Парижѣ, гдѣ тогда царствовали богословы и схоластика, Раблэ устремляется на другой конецъ Франціи, въ Монпелье, и здѣсь усердно изучаетъ медицину. Въ программѣ, начертанной Гаргантюа для Пантагрюэля, среди множества различныхъ дисциплинъ, видное мѣсто отведено естественнымъ наукамъ.

„Что касается природовѣдѣнія, то я хотѣлъ бы, чтобы и въ этой области ты проявилъ надлежащую любознательность; чтобы не было моря, рѣки, источника, которыхъ рыбы не были бы тебѣ извѣстны; всѣхъ птицъ небесныхъ, деревьевъ, кустарники, лѣсные плоды, полевые травы, металлы и драгоценные камни, сокрытые въ нѣдрахъ земли,—долженъ ты знать наперечетъ... Равнымъ образомъ многократными вскрытіями ознакомься основательно съ строеніемъ человѣческаго тѣла“.

Въ этомъ сказалась гуманистическая любовь къ реальному знанію, рождавшаяся на почвѣ смутной надежды—разгадать заповѣдныя тайны природы.

Свои познанія Раблэ приложилъ къ дѣлу, когда, занявъ потомъ мѣсто госпитальнаго врача въ Ліонѣ. Здѣсь онъ едва ли не первый изъ средневѣковыхъ медиковъ анатомировалъ трупъ повѣшеннаго, чѣмъ Долэ справедливо совѣтовалъ гордиться трупу. Здѣсь же началась и его литературная дѣятельность.

Ліонъ былъ въ то время городомъ очень интереснымъ, съ богатой, кипучей жизнью. Въ концѣ XV в. короли положили въ немъ начало той промышленности, которая составляетъ его славу и донинѣ; а ихъ итальянскія экспедиціи познакомили его съ культурой Ренесанса—слѣдовательно, и съ классической древностью. Постоянные приливы и отливы армій оставляли на его территоріи плодотворный иль: выигрывались ли или проигрывались сраженія,—городъ неизмѣнно обогащался. Въ немъ жило словоохотливое, под-

вижное, любопытное и жадное населеніе, и въ городѣ шумѣли не только фабрики—шумѣли и сталкивались также идеи и доктрины, приводя въ свою очередь въ движеніе типографскіе станки.

Въ двухъ шагахъ была Женева, гдѣ проповѣдывалъ Кальвинъ; немного дальше—Базель, городъ славнаго Эразма, а тамъ—рукой подать было и до Италіи. Въ эпоху Раблэ сумрачная религіозная реформа и свѣтское, языческое Возрожденіе какъ разъ спорили за обладаніе Ліономъ. Онъ попалъ въ самую гущу поднявшихся со всѣхъ сторонъ вопросовъ и теченій, и скоро занялъ мѣсто въ рядахъ умѣренныхъ, желавшихъ примиренія враждующихъ началъ...

Подъ вліяніемъ общаго примѣра онъ тоже берется за перо и, ощущая острую нужду въ деньгахъ, отдается „индустріальной“ литературѣ—т. е. не очень высокопробной, зато доходной. Она-то однако и приводитъ его къ славѣ.

Шутя и точно стыдясь сперва своей затѣи, во всякомъ случаѣ, не придавая ей серьезнаго значенія, между дѣломъ, порой за бутылкой вина, онъ принялся чертить причудливый узоръ своего фантастическаго романа, который завелъ его гораздо дальше, чѣмъ онъ самъ сперва предполагалъ... Впрочемъ не одни только матеріальныя соображенія руководили имъ при этомъ: врачъ недуговъ духовныхъ столько же, сколько и тѣлесныхъ, Раблэ хотѣлъ также утѣшить чѣмъ-нибудь своихъ больныхъ, и для нихъ-то отчасти вздумалъ написать эту веселую книгу. Обѣ цѣли были имъ достигнуты: не даромъ же въ прологѣ къ своему роману (Пант., I) Раблэ объясняетъ его успѣхъ главнымъ образомъ присущими ему цѣлебными свойствами. Автору-де извѣстно, что книга его утѣшила многихъ огорченныхъ, въ частности—утоляетъ зубную боль, и чтеніе ея служить единственной отрадой для хронически больныхъ...

Въ тридцатыхъ годахъ Раблэ, въ свитѣ своего покровителя дю-Беллэ, совершаетъ нѣсколько поѣздокъ въ Римъ, эту гуманистическую Мекку. Тамъ онъ усердно ботанизируетъ, дѣлаетъ даже раскопки на специально приобретенномъ для этого участкѣ земли и издаетъ книгу по топогра-

фии и археологии Рима. Здѣсь же онъ выхлопоталъ себѣ у папы прощенье за самовольный уходъ изъ монастыря и получилъ отъ него разрѣшеніе пользоваться больныхъ безъ огня и желѣза (*extra adustionem et incisionem*).

Въ 1542 году потребовалось второе изданіе первыхъ книгъ романа, а въ 1546 вышла книга III Пантагрюэля. Въ предисловіи къ ней Раблэ сравниваетъ себя съ Діогеномъ.

— Когда Филиппъ, царь Македонскій,—говоритъ онъ,— задумалъ осадить и разорить Коринѣ, то предупрежденное объ его намѣреніяхъ населеніе поспѣшно принялось укрѣплять городъ: одни запасали провіантъ, другіе выводили стѣны; тѣ строили шанцы и рavelины, разставляли часовыхъ, разсылали патруль—словомъ, каждый дѣлалъ свое дѣло... И только одному Діогену не нашлось занятія, потому что его считали ни на что не способнымъ. Однако охваченный всеобщимъ возбужденіемъ философъ не могъ оставаться празднымъ; и вотъ, препоясавшись мантией, какъ шарфомъ, засучивъ до локтей рукава хитона и поручивъ товарищу свою нищенскую суму и книги, онъ ушелъ изъ города по направленію къ коринѣскому мысу Краніи, докатилъ туда же свою бочку и принялся тамъ, не покладая рукъ, катать ее, поворачивать, переворачивать, наклонять въ ту и другую сторону, вертѣть, наливать водой, опоражнивать, накрывать, мыть и т. д.

И когда одинъ изъ друзей спросилъ хлопотливаго философа, къ чему онъ затѣялъ всю эту бессмысленную возню, то Діогенъ отвѣтилъ, что, освобожденный республикой отъ исполненія какихъ-либо серьезныхъ обязанностей, онъ рѣшилъ хоть этимъ способомъ принять участіе въ общей напряженной работѣ. Такъ,—говоритъ Раблэ,—и меня признаютъ негоднымъ на важныя дѣла; но считая слишкомъ большимъ позоромъ для себя оставаться празднымъ зрителемъ кипящей вокругъ меня дѣятельности, я нашелъ небезполезнымъ начать катать свою діогеновскую бочку—единственное, что осталось мнѣ въ жизни послѣ крушенія всѣхъ моихъ надеждъ. Чего достигну я этой возней?—Клянусь Богородицей, я и самъ еще этого не знаю. Подождите, дайте мнѣ сперва приложиться къ бутылкѣ...

Въ грустномъ юморѣ этихъ словъ звучатъ какъ будто усталость и разочарованіе. Бутылка, прежде повышавшая естественную веселость, теперь превратилась въ средство забвенія горестей, спасительное убѣжище смущеннаго ума... Что же произошло на протяженіи лѣтъ, отдѣляющихъ первую книгу романа отъ этого предисловія?—Немало воды утекло съ тѣхъ поръ. Изъ апофеоза торжествующей плоти романъ Раблэ постепенно превращаясь въ образную проповѣдь гуманистическихъ началъ, въ выработку гуманистическихъ идеаловъ и все болѣе сознательную критику средневѣкового строя. Временами его гиганты совершенно теряли свои сказочные размѣры и очертанія и возвышались надъ окружающими только силой просвѣщеннаго ума, обширностью познаній и врожденнымъ благородствомъ сердца. Словомъ, Раблэ и его романъ росли, развивались и совершенствовались, а жизнь пятилась назадъ, и свѣтлое небо Возрожденія заволакивалось грозными тучами реакціи... Этотъ поворотъ во французскомъ Возрожденіи—результатъ событій 1532—46 годовъ. Зерно свободной мысли, попавъ въ народную почву, приводитъ къ узкому религіонизму, и одновременно въ другомъ лагерѣ рождается іезуитизмъ. Религіозные интересы внезапно поднимаются въ обществѣ и принимаютъ прежній сословно профессиональный характеръ *).

Католики и протестанты наперерывъ стараются провести въ жизнь свои стѣснительныя программы; непостоянный Францискъ I открыто выступаетъ на путь преслѣдованій, выслушиваетъ донощики, казнитъ еретиковъ... Много погребеннаго стараго возродилось изъ пепла за эти пятнадцать лѣтъ, да и само новое измѣнилось къ худшему. Если короли изъ благодушныхъ Грангузье стали превращаться въ мелочныхъ и желчныхъ Пикрошолей, то и задача Возрожденія распалась на части, переставшія познавать одна другую: религіозная реформа враждебно столкнулась съ свѣтской; самый гуманизмъ разложился на узкія профессіи: нарождаются поэты слова, справщики размѣра, искатели формы. Поэзія становится чистоплотной, но лишается твор-

*) А. А. Веселовскій. Раблэ и его романъ.

ческой силы *). Цѣльные люди, дѣти свѣтлой зари, мечтавшие „міръ весь заново къ общей пользѣ измѣнить“, гибнутъ насильственной или вольной смертью, пустыня окружаетъ уцѣлѣвшихъ... Много надо нравственной силы и стойкости, чтобы, не сбиваясь съ пути, пробираться впередъ по этой аренѣ гражданскихъ и религіозныхъ войнъ. Раблэ узналъ, какъ опасно среди подобной сумятицы катать бочки, заряженные взрывчатымъ веществомъ сатиры: ему пришлось бѣжать въ Метцъ, гдѣ, растерявъ друзей и покровителей, онъ велъ голодную, нищенскую жизнь...

Сами инициаторы террора испугались однако его послѣдствій. Францискъ сошелъ въ могилу... Раблэ возвратился во Францію и даже выхлопоталъ себѣ у Генриха II привилегію на изданіе слѣдующей книги романа. Но отошли златые дни... Разрушены были мечты о безмятежномъ, цѣльномъ развитіи человѣчества, о братскомъ союзѣ просвѣщенныхъ умовъ.

— Дѣти,—говорилъ недавно Раблэ, обращаясь къ читателямъ и сравнивая свой романъ съ полнымъ ароматнаго вина боченкомъ,—дѣти, пейте на здоровье! Если вино придется вамъ не по вкусу, бросьте его; но тѣ, кому оно понравится, пусть пьютъ открыто, свободно и смѣло, ничего не платя и не жалѣя вина. И не бойтесь, что вина не хватитъ, какъ на бракъ въ Канѣ Галилейской: сколько вы выпьете его черезъ втулку, столько я долью сверху; въ немъ источникъ живой силы и вѣчной свѣжести. А на днѣ лежитъ надежда—замѣтте это хорошенько.

Несмотря на всѣ передраги, вино не истощилось у Раблэ; только являлось сомнѣніе, найдутся ли теперь охотники пить его. Тревога и растерянность звучать въ предисловіи къ IV кн. романа.—Добрые люди, спаси и помилуй васъ Богъ? гдѣ вы? Я васъ не вижу...

И какъ прежде казалось все исполнимымъ, такъ теперь оставалось возлагать относительно будущаго упованія на Бога, а въ настоящемъ приучать себя къ умѣренности

въ желаніяхъ и терпѣнію. Таковъ смыслъ басни о дровосѣкѣ Кульятри, рассказанной въ этомъ же прологѣ...

Въ дальнѣйшей жизни Раблэ мало замѣчательнаго. Вернувшись во Францію, онъ съ помощью Гизовъ получилъ близъ Парижа Медонскій приходъ, но черезъ два года уже отказался отъ него—можетъ быть, именно въ связи съ изданіемъ IV-ой книги романа, которая вышла въ свѣтъ нѣсколько дней спустя. Книга эта вызвала цѣлую бурю въ лагерѣ правовѣрныхъ католиковъ, и Раблэ опять грозили преслѣдованія. Но друзьямъ удалось отстоять его: онъ умеръ въ Парижѣ, по всей вѣроятности, въ 1553 году, и жизнь и личность его сразу сдѣлались достояніемъ легенды. Эта легенда разукрасила шутовскими подробностями обстоятельства уже самой его кончины.—Вижу Господа моего, грядущаго на ослѣ,—якобы сказалъ Раблэ, при видѣ священника, подходившаго къ нему со святыми дарами. А послѣднія слова его, говорятъ, были: —Иду навстрѣчу великому Можетъ-Быть! Латинская эпитафія на могилѣ „добраго медонскаго священника“ гласитъ, что онъ останется загадкой для грядущихъ поколѣній...

И правда, онъ не замедлилъ сдѣлаться предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ сужденій.

Современники и ближайшіе потомки поняли его главнымъ образомъ, какъ шута который больше всего любилъ вино и веселье и не зналъ ничего святого ни на землѣ, ни въ небесахъ. Самодовольный Ронсаръ почтилъ его „эпитафіей пьяницъ“. А мнѣнія о немъ выдающихся умовъ XVII, XVIII и XIX столѣтій оказываются весьма разнообразными. Бэйлъ къ нему равнодушенъ, хотя и знаетъ, что у него есть горячіе поклонники. Лабрюйеръ вѣрно отмѣчаетъ въ немъ соединеніе крайностей: *charme de la sapaille* съ *l'exquis* и *l'excellent*. Лафонтенъ чувствуетъ свое духовное родство съ нимъ и отдаетъ дань удивленія его уму. Мольеръ знаетъ многое изъ него наизусть и подражаетъ ему въ своихъ комедіяхъ. Вольтеръ относится къ нему сперва съ брезгливымъ пренебреженіемъ; потомъ раскаиивается, признаетъ въ немъ геніальнаго бытописателя и говоритъ, что хотя повторенія въ этомъ родѣ и нежелательны, но одного такого писателя

Судь современниковъ и потомковъ надъ Раблэ.

*) Веселовскій.

необходимо было имѣть Франціи. Въ XIX вѣкѣ всегда умѣренный Sainte-Beuve, не отрицая его красотъ, будетъ однако задыхаться въ его грязи, а самый романъ назоветъ буржуазной оргіей, пьяной пѣсней, въ которой безшабашное веселье замѣняетъ отсутствующій смыслъ, вслѣдствіе чего стараться понять ее — значитъ уже обнаружить непониманіе.

Отзывы Раблэ
о своемъ
романѣ.

Разногласія эти не кончились, и теперь, хотя съ каждымъ днемъ Раблэ пріобрѣтаетъ все больше поклонниковъ. Онъ самъ виноватъ въ этомъ отчасти. Въ предисловіи къ V-ой книгѣ онъ уподобляетъ себя гусю въ стаѣ лебедей, мужику въ толпѣ образованныхъ и изящныхъ писателей своего времени и отказывается карабкаться за ними на вершину Парнаса.— Не всякому дано обитать въ Коринѣ, — говоритъ онъ, и думаетъ, что его назначеніе — варить похлебку для каменщиковъ, какъ то дѣлалъ Рено Монтобанскій *).

Въ этой скромной самооцѣнкѣ сказалось все усиливавшееся потомъ характерное заблужденіе вѣка: уже начинали стыдиться въ литературѣ народности, которая представлялась тѣсно связанной съ невѣжествомъ, „варварствомъ“ среднихъ вѣковъ; уже зарождалась тиранія правилъ, предписывавшихъ литературнымъ произведеніямъ не только опредѣленную форму, но и извѣстное (серьезное, классическое) содержаніе. Раблэ покорялся суду ученыхъ современниковъ; но все-таки шелъ путемъ, указаннымъ ему его талантомъ. Отсюда, отчасти, противорѣчія въ его отзывахъ о собственномъ романѣ: съ одной стороны онъ писалъ его за ѣдой и питьемъ, то-есть, стало быть, не придавалъ ему серьезнаго значенія; съ другой — онъ предостерегаетъ читателя отъ слишкомъ легкомысленнаго отношенія къ этой *livre seigneuriale* — царственной книгѣ — и сравниваетъ ее съ мозговой костью, которую необходимо разгрызть, чтобы полакомиться содержащимся въ ней сладкимъ и питательнымъ веществомъ.

*) Одинъ изъ героевъ французскаго эпоса, ходившій во Св. Землю, потомъ сдѣлавшійся каменотесомъ и принимавшій участіе въ построеніи Кельнскаго собора.

Однако и на этой точкѣ зрѣнія Раблэ не даетъ намъ окончательно утвердиться.

— Неужели вы серьезно вѣрите, — спрашиваетъ онъ тутъ же, — что когда Гомеръ слагалъ Иліаду и Одиссею, то думалъ про тѣ аллегоріи, которыя вычитали у него потомъ Плутархъ, Гераклитъ Эфесскій и проч., и проч.? Если вы такъ думаете, то, значитъ, мы совершенно расходимся съ вами во мнѣніяхъ. —

Во всемъ этомъ проявляется, несомнѣнно, извѣстное недовѣріе къ себѣ, осложненное еще вдобавокъ обычной склонностью юмористовъ смѣяться надъ тѣмъ, о чемъ только что они говорили вполне серьезно.

Чтобы установить правильную оцѣнку романа, надо, очевидно, самимъ обратиться къ анализу его содержанія. Такъ и сдѣлаемъ; при этомъ постараемся, однако, уважить просьбу автора и станемъ по возможности „толковать всѣ его слова въ самую лучшую сторону“.

Прежде всего выяснимъ общій характеръ этого громаднаго произведенія и разберемся въ его источникахъ. Романъ, какъ сказано, дѣлится на пять книгъ — изъ нихъ первая четыре писались въ продолженіе двадцати лѣтъ, а послѣдняя вышла черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Раблэ, и подлинность нѣкоторыхъ ея частей остается подъ сильнымъ сомнѣніемъ. При этихъ условіяхъ врядъ ли можно надѣяться найти въ романѣ цѣльное настроеніе, строго выдержанный планъ и вполне однородное содержаніе. Да Раблэ за этимъ и не гнался. Его манера писать была похожа на стерновскую, самую, какъ извѣстно, религіозную: сочинивъ одну фразу, онъ относительно слѣдующей возлагалъ всѣ свои упованія на Бога. Такъ, въ концѣ I книги Пантагрюэля, онъ обѣщаетъ рассказать намъ дальше, какъ женился Панюржъ, послѣ чего былъ немедленно украшенъ рогами; какъ Пантагрюэль нашелъ философскій камень, перешелъ Каспійскія горы, переплылъ Атлантическій океанъ, побѣдилъ каннибаловъ, женился на дочери индійскаго царя, такъ называемаго „пресвитера Іоанна“, воевалъ съ чертями, и т. д., и т. д. Но программа эта, къ счастью, осталась неосуществленной, потому что капризное вдохновеніе увлекло Раблэ въ совершенно дру-

Общій характеръ романа Раблэ.

гую сторону. О переломѣ въ настроеніи Раблэ въ связи съ событіями времени мы уже сказали выше...

Разъ такимъ образомъ строгаго плана нѣтъ, и авторъ не придаетъ ему важнаго значенія, то остается, повидимому, ограничиться оцѣнкой отдѣльных частей, составляющихъ его эпизодовъ. Это, однако, не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, при всей беспорядочности разсказа общія рамки „обозрѣнія“ все-таки остаются. А, во-вторыхъ, Раблэ потому такъ настойчиво возился съ своей „діогеновской бочкой“, такъ упорно возвращался къ ней, что живо отзывался на всѣ волненія вѣка, переходилъ отъ надежды къ разочарованію и обратно, умудрялся опытомъ, смирялся душой — словомъ, жилъ, мыслилъ и чувствовалъ, и въ своемъ романѣ „отводилъ душу“. Его личныя переживанія были вмѣстѣ съ тѣмъ переживаніями и лучшихъ людей эпохи. И въ этомъ — другое единство романа Раблэ. „Эпосъ Раблэ“ — говоритъ акад. Веселовскій, — „шагъ за шагомъ отвѣчаетъ его внутреннему росту и вмѣстѣ развитію цѣлаго поколѣнія“. Это необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ романа.

Народная
хроника.

Главную тему для его первой части и нѣкоторые эпизоды второй доставила Раблэ народная хроника, одна изъ тѣхъ, что появляются на переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени и, предваряя художественный протестъ Сервантеса, рисуютъ въ карикатурномъ видѣ отжившій міръ рыцарскихъ идеаловъ *). Она вышла въ 1532 году подъ заглавіемъ: *Les grandes et inestimables chroniques du grand et enorme géant Gargantua*. Въ ней подробно разсказывается о томъ, какъ очень популярный въ средневѣковой литературѣ волшебникъ Мерлинъ создалъ чету великановъ, отъ которой, согласно его же пророчеству и произошелъ потомъ знаменитый Гаргантюа. Его назначеніе — быть защитникомъ мнѣческаго короля Артура. Черезъ 8 лѣтъ вся семья отправляется въ Англію. По дорогѣ туда, въ Шампани, исполинская кобыла Гаргантюа сметаешь хвостомъ цѣлые лѣса (этотъ эпизодъ сохраненъ у Раблэ). Гонимая за нею, Гаргантюа усталъ, легъ отдохнуть, заснулъ,

и земля провалилась подъ нимъ на 60 локтей. Затѣмъ онъ спросонья давитъ пальцами идущихъ по нему барановъ, а пастухъ попадаетъ въ его открытый ротъ и, пріютившись тамъ между зубовъ, выходитъ потомъ оттуда цѣлымъ и невредимымъ (подобнымъ же образомъ и у Раблэ паломники вмѣстѣ съ салатомъ попадаютъ въ ротъ Гаргантюа, который выковыриваетъ ихъ затѣмъ зубочисткой. Самъ Алькофрибасъ путешествуетъ въ утробѣ Пантагрюэля и открываетъ тамъ цѣлый новый міръ, съ городами и пр.) У береговъ Ламанша бретонцы откупаются отъ раздраженныхъ ихъ воровствомъ великановъ 2.000 головъ скота. Чтобы не потерять какъ нибудь сына, Грангузье вдѣваетъ ему въ ухо большой колоколь съ Реннской башни, но потомъ возвращаетъ его городу. Вскорѣ послѣ этого старые великаны умираютъ, а Гаргантюа отправляется въ Парижъ, гдѣ прячетъ въ карманъ городскіе колокола (эпизодъ сохраненъ у Раблэ), при чемъ роняетъ на землю Овернца, припрятаннаго на завтракъ. На берегу моря Гаргантюа встрѣчаетъ Мерлина, который и отправляетъ его, наконецъ, въ Англію защищать Артура отъ Гоговъ и Магоговъ. Гаргантюа громадной палицей избиваетъ враговъ, и за это ему устраиваютъ въ Лондонѣ обѣдъ. На столъ подаются 500 свиныхъ окороковъ, не считая колбасъ; супъ изъ мяса 300 зайцевъ и 400 ковригъ хлѣба, вѣсомъ 50 фунт. 2 унц. каждая. Четыре человѣка кидаютъ великану лопатами горчицу въ ротъ, а его десертъ состоитъ изъ тонны печеныхъ яблокъ, 6-ти бочекъ сидра и 7-ми боч. элю. Затѣмъ его одѣваютъ: на рубаху ему идетъ 802 $\frac{1}{3}$ арш. холста, на камзолъ — 105 $\frac{1}{2}$ арш. атласа и 32 арш. на оторочку, на штаны — 200 $\frac{3}{4}$ арш. сукна и, наконецъ, на охотничью сумку столько волчьихъ шкуръ, что съ той поры волки совсѣмъ перевелись въ Англіи... Покоривъ непріятелей, Гаргантюа беретъ съ нихъ ихъ выкупъ сельдами и сардинами, съѣдаетъ все это и засыпаетъ. Пытавшіеся убить его во время сна враги попадаютъ въ его раскрытый ротъ. Проснувшись, онъ пьетъ изъ рѣки и проглатываетъ лодку съ порохомъ. Тогда ему даютъ проглотить огня и поворачиваютъ его задомъ къ непріятельскому городу. Эффектъ не трудно угадать (все это, кромѣ послѣдняго эпизода, по-

*) Веселовскій.

вторяется и у Раблэ: Гаргантюа питается молокомъ девяти слишкомъ тысячъ коровъ, принимаетъ пушечныя ядра за вишневныя косточки, на одежду его идетъ такое же грандіозное количество аршинъ матеріи и т. д.). Принеся Артуру въ сумкѣ побѣжденнаго имъ великана, Гаргантюа живетъ еще 200 лѣтъ, 3 мѣсяца и 4 дня, послѣ чего восхищенъ въ волшебныя селенія*)...

Такова эта народная книга. Если взглянуть въ ея характеръ и содержаніе, то бросятся въ глаза двѣ ея существенныя особенности: это, во-первыхъ, страсть къ преувеличеніямъ, которымъ авторъ усиливается сообщить правдоподобіе, приводя точныя цифровыя данныя и результаты мнимо-добросовѣстныхъ измѣреній; и, во-вторыхъ, — рѣзкая сатира, направленная въ данномъ случаѣ на авторитетное лганье рыцарскихъ романовъ. А эти двѣ черты роднятъ анонимную лонскую хронику съ цѣлымъ рядомъ однородныхъ произведеній, являющихся представителями специального литературнаго стиля, или жанра, извѣстнаго подъ именемъ гротеска. Чтобы уяснить себѣ степень оригинальности Раблэ, необходимо бросить хотя бы бѣглый взглядъ на литературную исторію гротеска.

Гротескъ и
его исторія.

Гротескъ былъ извѣстенъ еще въ средніе вѣка, и его частичныя обнаруженія можно уловить въ различныхъ литературныхъ памятникахъ той эпохи. Элементы его есть, напримѣръ, въ мистеріяхъ, въ сценахъ въ родѣ той, гдѣ Ноева жена (сатирическій образъ женскаго упрямства) отказывается, несмотря на всѣ увѣщанія, угрозы мужа и видъ бурно vzdymающихся морскихъ волнъ, войти въ ковчегъ, и дѣлаетъ это лишь послѣ того, какъ вода заливаєтъ ей ноги (преувеличеніе); или въ латинскихъ сатирахъ на нравы духовенства и церковную латынь, гдѣ остроумно осмѣивается распутство монаховъ, ихъ чревоугодіе и сладострастіе. Въ одной такой поэмѣ аббатъ и пріоръ до тѣхъ поръ ѣдятъ и столько пьютъ за здоровье другъ друга, что языки ихъ подъ конецъ еле ворочаются, а самихъ ихъ начинается тошнить—въ назиданіе братіи, которая стоитъ и облизывается. Въ другомъ

подобномъ же стихотвореніи сатира на эти монашескія оргіи плоти достигаетъ уже почти вершинъ гротеска. Въ ней описывается благочестивый образъ жизни подобнаго же аббата: чрево — главный предметъ его заботы; онъ думаетъ больше о хлѣбѣ, чѣмъ о небѣ, больше о соленин, чѣмъ о душевномъ спасеніи... Носитъ власяницу поверхъ полотняной сорочки, а зимой кутается въ дорогіе мѣха и, наскоро совершая обходъ монастыря, спѣшитъ въ притоны разврата, гдѣ выбираетъ себѣ наложницъ по вкусу. За трапезой, вѣрный монашескому правилу, онъ не вкушаетъ мяса четвероногихъ, но за то истребляетъ огромное количество дичи и рыбы—подъ всевозможными приправами (слѣдуетъ подробное перечисленіе ихъ). Не полагается ему также съѣдать больше пяти яицъ заразъ, но онъ и здѣсь умѣетъ найти лазейку: кушаетъ пять—въ крутую, пять—въ смятку, пяточекъ — въ мѣшочекъ, пяточекъ — печеныхъ, столько же съ тминомъ и столько же съ перцемъ, пять съ похлебкой и пять, приготовленныхъ съ хлѣбомъ, въ общей сложности болѣе полусотни, но въ отдѣльности, правда, только по пяти. Дальше идутъ колбасы, запиваемыя винами всѣхъ сортовъ—по девяти глотковъ отъ каждаго для пробы, а тамъ ужъ—*ex intentione*—за процвѣтаніе церкви, за прелатовъ, за братію, за вверженныхъ въ узилище, за недугующихъ, за хорошую погоду,—въ совокупности не менѣе 15-ти здравницъ, ибо Господь возлюбилъ нечетныя числа, а онъ радъ пострадать для Господа... Отъ такой нагрузки приходится потомъ облегчаться. Тутъ-то, если бы ты присутствовалъ, то увидѣлъ бы туманъ, какъ бы отъ дыханія Энхелада, и вѣтры, словно рушился замокъ Эола...

Изъ гротескныхъ сатиръ на римскую алчность особенно замѣчательны тѣ, въ которыхъ прославляется чудодѣйственная сила мощей свв. Руфина и Альбина (золота и серебра). Кто владѣетъ этими реликвіями, получить отпущеніе всяческихъ грѣховъ, въ семъ мірѣ и въ будущемъ: будь онъ убійца, клятвопреступникъ, прелюбодѣй,—онъ очистится, если представитъ папѣ частицу мощей святыхъ, правящихъ міромъ,—ибо кто же въ силахъ противиться просьбамъ Альбина, вѣлніямъ Руфина? Это пасквиль на папу Урбана, и здѣсь мы

*) Изложено по Веселовскому.

встрѣчаемъ уже знакомое намъ живописное многословіе гротеска: одѣвается онъ въ пурпуръ царскій, въ мѣха дорогіе, подкрѣпляется виномъ добрымъ—фалернскимъ, меракскимъ, массійскимъ, острыми приправами, жгучими соленьями... Промываніями очищается, въ баняхъ прохладжается, на перинахъ нѣжится, на рыскахъ катается въ колесницахъ раззолоченныхъ... Дышитъ ароматами, пребываетъ въ богатствѣ, роскоши, великолѣпіи, тѣлесной сытости, почетѣ и славѣ... Несутъ ему отовсюду частицы драгоцѣнныхъ мощей, но ему все мало, и онъ поощряетъ подданныхъ своихъ къ неутомимымъ розыскамъ — чреслъ Альбина, внутренностей Руфина, утробы, желудка, ногтей, ключицъ, реберъ, мозгу, голеней—чего бы еще?—да всѣхъ частей тѣла обоихъ святыхъ угодниковъ...

Сатирической музѣ Рютбефа не чужды замашки гротеска, сказывающіяся главнымъ образомъ въ стилѣ, языкѣ его произведеній. Такова, напр., его насмѣшка надъ препоясанными вервиемъ францисканцами: *En la corde s'encordent cordée à III cordons, à la corde s'accordent, dont nous descordons. la discordance accorde des maux que recordons...* и т. д.

Гротескными чертами содержанія отличается анонимная средневѣковая пародія на рыцарскій романъ, извѣстная подъ заглавіемъ *Dit d'aventures*. Въ заколдованномъ лѣсу на автора нападаютъ разбойники, пронзаютъ его множество разъ мечами и кинжалами, не причиняя однако ранъ, и въ заключеніе подвѣшиваютъ его къ дереву. Отъ этой бѣды избавляетъ его волчица съ двѣнадцатю дѣтенышами. Отправившись дальше, онъ приходитъ въ страну вислоухихъ и, переходя по тоненькой жердочкѣ рѣку, падаетъ въ воду. Изъ воды его вытаскиваетъ сѣтью рыбакъ и отъ испуга умираетъ. Затѣмъ разражается буря: на берегъ выползаетъ какое-то страшилище, для описанія котораго автору требуется цѣлыхъ двадцать строкъ; оно проглатываетъ героя приключеній, но... тутъ дикій быкъ распарываетъ чудовищу брюхо, и онъ спасается... Дальше ему нѣтъ охоты рассказывать—вѣдь читатели и такъ ужъ навѣрно обозвали его мысленно лгуномъ...

Въ Италіи къ гротескному стилю относятся шутовскія

пародія на героическую поэму и рыцарскій романъ—Пульчи, Боярдо и Аріосто. Въ карикатурномъ видѣ изображаетъ Пульчи размѣры и силу своего Морганте: онъ ростомъ съ гору и такъ силенъ, что могъ бы унести на себѣ цѣлую колокольную; Самсонъ передъ нимъ мальчишка. Онъ въ состояніи опрокинуть Этну и совершаетъ чудеса силы и храбрости—напр., убиваетъ такую массу непріятелей, что съ трудомъ выбирается изъ груди мертвыхъ тѣлъ. Не менѣе поразителенъ и его аппетитъ: онъ поджариваетъ на вертелѣ и сѣдаетъ въ одиночку цѣлаго слона (sic). Съ нимъ Роландъ не боится ничего, и пламя отъ ударовъ мечей этихъ двухъ молодцовъ громадными языками взвивается къ небу... Стиль Пульчи тоже блещетъ характерными излишествами гротеска. У Боярдо сатирическая тенденція выражена значительно слабѣй; но и онъ умѣетъ выставить, на примѣръ, рыцарскую несокрушимую добродѣтель въ такомъ карикатурномъ видѣ, что читатель не можетъ удержаться отъ иронической улыбки. Къ гиперболической точности гротеска обнаруживаетъ склонность и Аріостъ: Роландъ у него нанизываетъ на копье шестерыхъ враговъ, какъ лягушекъ, а Родомонтъ такъ пристыженъ пораженіемъ, нанесеннымъ ему Брадамантой, что даетъ обѣтъ годъ, мѣсяцъ и день прожить въ монастырѣ—довольно смѣшная щепетильность въ тотъ вѣкъ беззащитнаго предательства и ежедневныхъ убійствъ изъ-за угла...

Но настоящей своей силы гротескъ достигаетъ только въ такъ называемой макаронической поэзіи, талантливымъ представителемъ которой въ Италіи былъ Фоленго. Въ его *Baldus's* изъ Сирады передъ нами опять раздутый до невероятныхъ размѣровъ великанъ. Его славой полнится земля, передъ нимъ трепещетъ самый адъ; о его классическихъ ударахъ можно бы написать тысячу книгъ. Хороши и его ратные товарищи: одинъ—великанъ Фракассъ, у котораго въ пасти свободно могла бы прогуливаться овца; носъ у него величиною съ добрую дыню. Другой—пронюра Чингаръ—близкій родственникъ Панюржа; онъ выручаетъ Бальда изъ всевозможныхъ затруднительныхъ обстоятельствъ,

и когда ему это удастся, онъ испытываетъ такое удовольствіе, какъ будто сѣлъ въ бочку съ медомъ... Вмѣстѣ съ рыцарями достается отъ Фоленго также монахамъ и женщинамъ. Послѣднихъ онъ считаетъ виновницами всѣхъ золъ на свѣтѣ и обвиняетъ ихъ въ разнузданности и лживости: онѣ сѣютъ вражду между мужчинами и измѣняютъ мужьямъ на каждомъ шагѣ; недовѣріе къ нимъ стараго Джильбекко такъ велико, что онъ готовъ изслѣдовать полъ даже каждаго подлетающаго къ его женѣ комара—*mascula num musca sit aut femina...*

Что касается монаховъ, то они поражаютъ Фоленго прежде всего своей численностью: ихъ—что звѣздъ на небѣ, они шныряютъ повсюду. Иду ли сухимъ путемъ,—восклицаетъ онъ,—вижу капуциновъ; плыву ли по морю—вижу капуциновъ; пробираюсь ли полемъ сраженія—и тамъ вижу капуциновъ. Этимъ господамъ превосходно извѣстно кулинарное искусство, и всѣ они—мастера объѣдаться. Съ обжорствомъ и невѣжествомъ соединяется у нихъ нечистоплотность: въ ихъ монастыряхъ стѣны залиты мочей, покрыты паутиной, всюду вонь и грязь нестерпимыя... Яркой особенностью макаронической поэзіи является ея непристойность, стремленіе досыта удовлетворить читателя реализмомъ, точностью, обстоятельностью своихъ описаній. Фоленго ни въ чемъ не знаетъ мѣры, и стиль его подаетъ бурнымъ многословіемъ.—Тщеславно,—поясняетъ онъ,—это то же, что грубо, глупо, суетно, ложно, презрѣнно, безумно, вредно, сумасбродно, нелѣпо и т. д.—Любитъ онъ и слова звукоподражательныя: *Cantemus tararan, cantemus tantara—tara!*... Всѣ эти особенности свойственны также и стилю Раблэ.

Изъ другихъ произведеній гротескнаго жанра слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторые образчики нѣмецкой гуманистической литературы. Въ „Кораблѣ дураковъ“ Себаст. Брандта (перечисленіе ста одиннадцати разновидностей человѣческаго безумія), въ знаменитой „Похвалѣ глупости“ Эразма Роттердамскаго (ея утрированное изображеніе различныхъ людскихъ слабостей и пороковъ), въ протестантскомъ памфлетѣ на римскую церковь „Der Papisten Handbüch-

lein“, въ „Письмахъ темныхъ людей“ и др. нетрудно подмѣтить нѣкоторыя основныя черты гротеска. Однако все имѣющееся въ этомъ родѣ безусловно превосходитъ геніально-несуразный романъ Раблэ.

Какъ уже сказано выше, Раблэ взялся за перо безъ строго обдуманнаго плана: съ одной стороны его понуждала къ тому бѣдность и соблазнялъ поразительный успѣхъ народной книги; съ другой—веселыя идеи приходили ему въ голову за трапезой... И вотъ однажды, когда голова его была слегка разгорячена спиртными напитками, желудокъ полонъ, а кошелекъ пустъ, эти идеи вдругъ начали сами собой облекаться въ плоть и кровь. Передъ нимъ задвигались и заговорили, принявъ сказочныя очертанія, давно знакомые образы... Воскресла въ памяти родная Турень, съ ея щекочущимъ ноздри запахомъ молодого вина, ярко вырисовались городки по Луарѣ, разбросанные въ живописномъ безпорядкѣ, и на фонѣ этихъ уютныхъ декорацій обозначился силуэтъ Людовика XII, какъ-то незамѣтно слившійся съ легендарнымъ образомъ добраго великана Грангузье... Вспомнилъ Раблэ своихъ школьныхъ товарищей, потомъ монастырь, жадныхъ и трусливыхъ монаховъ, заговоры фанатизма и невѣжества противъ жаждущаго знаній ума... Университеты, съ ихъ схоластикой и пошлой кухонной латынью... И сквозь змѣиное шипѣнье исчадій мрака донесся до него ободряющій голосъ просвѣщенныхъ друзей; увидѣлъ онъ себя въ Монпелье, среди мирныхъ научныхъ занятій, уже не нарушаемыхъ болѣе вторженіями подозрительной церкви... И понемногу это видѣніе, обнимавшее цѣлую страну и эпоху, сплелось съ причудливымъ содержаніемъ народной сказки, и въ результатъ получился романъ, поражающій современнаго изслѣдователя сложностью своего состава.

Кн. I, отчасти повторяя содержаніе народной хроники, но вводя въ нее также совершенно чуждые ей философско-гуманистическіе элементы, повѣствуетъ о рожденіи и жизни Гаргантюа, о его воспитаніи сперва по старому, схоластическому, потомъ по новому, гуманистическому методу, о его занятіяхъ наукой въ Парижѣ, объ участіи въ войнѣ съ Пикрошолемъ, которую тотъ въ его отсутствіе завелъ со

Общее содержание романа Раблэ.

старикомъ Грангузе; о знакомствѣ Гаргантюа при этомъ случаѣ съ удалымъ монахомъ братомъ Жаномъ-Сокрушителемъ, о побѣдѣ надъ врагами и построении Телемской обители — идеальнаго общежитія, монастыря наизнанку. Кн. II, начало исторіи Пантагрюэля — представляетъ лишь весьма слабыя отличія отъ кн. I, повторяя въ главномъ ея содержаніе: опять исторія дѣтства героя, годы ученія, новая война — на этотъ разъ съ королемъ Анархомъ, но столь же побѣдоносная, какъ и первая, то же прочувствованное письмо отца къ сыну и, знакомство Пантагрюэля съ Панюржемъ, этой гуманистической формацией всесвѣтнаго шута и пройдохи. Содержаніе кн. III вертится все сплошь вокругъ одного пункта: Панюржъ рѣшаетъ жениться, но хочетъ предварительно во что бы то ни стало узнать, какъ сложится его семейная жизнь, — будетъ ли вѣрна ему жена, или нѣтъ. Пересовѣтовавшись на счетъ этого сперва со всѣми окружающими, потомъ съ нѣкоторыми специально для того приглашенными лицами — врачомъ, философомъ и богословомъ — наконецъ самъ посѣтивъ нѣкоторыхъ компетентныхъ людей, на примѣръ, умирающаго поэта Раминогробиса и Панзустскую сивиллу и др., и получивъ отъ всѣхъ этихъ консультантовъ либо уклончивые, либо прямо неблагоприятные отвѣты, упрямецъ Панюржъ не сдастся, и для окончательнаго выясненія предстоящей ему судьбы рѣшаетъ предпринять многотрудное плаванье къ Оракулу Божественной Бутылки. Пантагрюэль и главные дѣйствующие лица романа, въ томъ числѣ жизнерадостный братъ Жанъ, состоящій съ Панюржемъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, вызываются сопровождать его, строятъ корабль Таламегу и напутствуемые благословеніями Гаргантюа отчаливаютъ отъ береговъ Дипсодіи. Непосредственно вслѣдъ за этимъ начинаются ихъ приключенія. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая вереница сценъ изъ жизни сказочныхъ странъ, населенныхъ фантастическими существами, которыя олицетворяютъ то смѣшныя, то страшныя, но всегда почти нелѣпыя идеи, учрежденія и разнообразныя явленія среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ мореплавателями мы попадаемъ то на островъ Медамоти (греч. нигдѣ),

гдѣ царствуетъ тщеславный Филофанъ (Любящій блескъ), и гдѣ одинъ изъ дипсодійцевъ пріобрѣтаетъ картину, представляющую снимокъ съ натуры — идей — Платона и атомовъ Эпикура; то на островъ Прокураціи, населенный ябедниками, питающимися палочными побоями. На островѣ Скрытномъ мы знакомимся съ великимъ пожирателемъ гороха и селедокъ, костлявымъ Постомъ, ведущимъ непримиримую войну съ мясными сосисками, обитателями сосѣдняго острова.

Посѣтивъ нѣкогда богатыхъ, а нынѣ совершенно разоренныхъ папфиговъ (показывающихъ фигу папѣ), новые аргонавты пристають къ острову благоденствующихъ папимановъ и тутъ, за жирной трапезой, сопровождаемой обильными возліяніями, выслушиваютъ отъ охмелѣвшаго епископа Гоменаца вдохновенную похвалу „божественнымъ“ Декреталіямъ... Чѣмъ дальше, тѣмъ все злѣй становится сатира Раблэ, все страшнѣе ея аллегорическіе образы и удушливѣе окружающая насъ атмосфера. Уже въ IV кн., а въ V-ой въ особенности, матримоніальный проектъ Панюржа отходитъ на второй планъ, и экспедиція Пантагрюэля пріобрѣтаетъ характеръ гуманистической рекогносцировки, имѣющей болѣе общую цѣль — обследовать дѣйствительность и выяснить направленіе „воздушныхъ теченій“. Результаты ея явно неблагоприятны для друзей прогресса. Повсюду сказывается грозная живучесть старыхъ темныхъ силъ. Безобидны на видъ разсаженные по золоченымъ клѣткамъ птицы звонящаго острова (аллегорическое изображеніе римской куріи), по ихъ благодушіе только мнимое. И стоитъ малѣйшимъ словомъ задѣть котораго-нибудь изъ этихъ пернатыхъ тунеядцевъ, чтобы буря загнала оскорбителя подъ землю. Еще очевиднѣе опасность, угрожающая мореплавателямъ на островѣ Пушистыхъ Котовъ, въ царствѣ кроваваго Гриппино, съ его застѣнкомъ, гдѣ отвѣчаютъ на то, чего не знаютъ и сознаются въ томъ, чего никогда не дѣлали. Кое-какъ унеся отсюда ноги и побывавъ затѣмъ въ царствѣ Ложной Науки, въ гостяхъ у сухопарой Квинтъ-Эссенціи, питающейся категоріями, проблемами, антитезами и отвлеченными общими понятіями, путешественники,

руководимые однимъ изъ обитателей страны Фонаричиковъ, благополучно добираются, наконецъ, до Оракула Божественной Бутылки. Панюржъ не получаетъ отъ нея отвѣта на волновавшій его вопросъ, да и не задаетъ его. Но благоговѣнно приложивъ къ таинственному вмѣстилищу мудрости ухо, онъ слышитъ, какъ изъ нѣдръ волшебнаго сосуда, тихо звеня, раздается единственное, но многознаменательное слово—*tning*, на всѣхъ языкахъ означающее „пей“! И странники пьютъ. При этомъ вино оракула, равно благосклоннаго ко всѣмъ, кто приходитъ къ нему съ сердцемъ чистымъ, исполненнымъ вѣры, представляется каждому такимъ, какого онъ желалъ отвѣдать. А на прощаніе жрица святилища, Васбус, даетъ имъ всѣмъ завѣтъ: „Ступайте друзья, подъ покровомъ той благодатной сферы, которой центръ вездѣ, а периферія нигдѣ, которой нѣтъ предѣла, и которую мы называемъ—Богъ! „И вернувшись домой, возвѣстите, какія великія сокровища и чудеса таитъ въ себѣ земля“. Такъ поучаетъ Васбус. И отъ всего видѣннаго и слышаннаго сердца пилигримовъ окрыляются новой надеждой.

Таковы общія очертанія романа, его остовъ. Теперь рассмотримъ его внимательно по частямъ. При этомъ всего естественнѣе будетъ остановиться, во-первыхъ, на сатирѣ Раблэ, уяснить себѣ ея характеръ и содержаніе; во-вторыхъ, разобрать тѣ сцены и образы, въ которыхъ Раблэ воплотилъ свое новое міросозерцаніе, выразилъ свои идеалы, свою житейскую философію; и въ-третьихъ, въ промежуткѣ между этими двумя главными частями, для развлечения и отдыха, прочитатъ наиболѣе характерные изъ тѣхъ вставныхъ рассказовъ, часто вполнѣ нейтральнаго свойства, которыми романъ Раблэ прошпигованъ насквозь или залитъ на подобіе соуса, и которые составляютъ однако тоже его ограниченскую, неотъемлемую принадлежность. Въ нихъ много юмора и высокаго искусства.

Сатира
Раблэ.

Схоластическая рутина, война, духовенство и монашество, особенно нравы римской курии, наконецъ средневѣковое гражданское и уголовное судопроизводство—вотъ главные объекты сатиры Раблэ. Разсмотримъ ихъ поочередно.

Схоластика.

Схоластику, ея педагогическіе приемы и результаты,

достигаемые ихъ примѣненіемъ, Раблэ изобразилъ въ цѣломъ рядѣ забавныхъ лицъ и сценъ своего романа. Уже въ самомъ началѣ кн. I мы сталкиваемся съ двумя замѣчательными представителями средневѣковой науки и педагогіи—Тубаломъ Олоферномъ и Жобеленомъ Бридэ—знаменитыми наставниками юнаго Гаргантюа. Отвратительные съ виду, грязные и невѣжественные, они начинаютъ его голову всевозможнымъ вздоромъ, а то небольшое полезное, что они ему сообщаютъ, мальчикъ среднихъ способностей могъ бы усвоить въ несравненно болѣе короткій срокъ. Физическое воспитаніе оставалось при этомъ въ полномъ пренебреженіи: въ головы тогдашнихъ педагоговъ никоимъ образомъ не могла забрести простая мысль о тѣсной зависимости духовныхъ совершенствъ челоуѣка отъ его тѣлеснаго самочувствія. Наконецъ, сами—пещерныя существа, не выдѣлявшіяся только на грязномъ фонѣ своихъ затхлыхъ подполій и производившіе дикое впечатлѣніе, когда выползали изъ нихъ на свѣтъ, эти педанты совершенно не пріучили своего воспитанника къ общенію съ людьми, такъ что онъ глупо терялся, когда приходилъ въ соприкосновеніе съ ними. Пять лѣтъ и три мѣсяца потратилъ Гаргантюа на то, чтобы научиться пересказывать латинскую азбуку отъ начала до конца и отъ конца къ началу, и больше тридцати съ половиной лѣтъ на усвоеніе латинской грамматики Доната, назидательныхъ притчъ Аллана (*Allanus in parabolis*) и т. д. Проучившись съ нимъ такимъ манеромъ еще 16 слишкомъ лѣтъ, Тубаль Олофернъ умеръ, и дѣло его съ успѣхомъ продолжалъ достойный Бридэ. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы Грангузье совершенно случайно не убѣдился въ кругломъ невѣжествѣ сына и не приставилъ къ нему другого воспитателя. А между тѣмъ вотъ какія привычки усвоилъ себѣ Гаргантюа: поздно проснувшись, валялся въ постели; вставши, наконецъ, облакался въ халатъ и нечесаный, невымытый, садился за жирный завтракъ; послѣ завтрака онъ простаивалъ въ церкви по 30-ти обѣденъ, бессмысленно бормоча молитвы, и потомъ, проучившись „добрыхъ полчаса“, садился обѣдать, и при этомъ пилъ, какъ губка или, иначе говоря, „по богословки“.

Вотъ и всѣ результаты воспитанія. Въ юношѣ ихъ можно еще истребить; но человѣкъ, до конца обработанный по этой системѣ, навсегда остается дуракомъ и нравственнымъ уродомъ. Таковъ этотъ Жанотусъ Брагмардо, котораго сорбоннскіе богословы отряжаютъ, чтобы вытребовать у Гаргантюа похищенные имъ колокола Notre-Dame. Рѣчь его, прерываемая кашлемъ, — образецъ бессмысленнаго пустословія:—А кха-кха-кха! Доброго дня вамъ, сударь, и вамъ, господа! Хорошо было бы, если бы вы отдали намъ колокола, потому что мы крайне въ нихъ нуждаемся. Если вы отдадите ихъ по моей просьбѣ, то я получу за это десять пучковъ сосисокъ и пару добрыхъ штановъ, которые облагодѣтельствуютъ мои ноги. Эге! клянусь Богомъ, господинъ, пара штановъ—вещь хорошая—et vir sapiens non abhorrebit eam! Ха-ха! не всякій, кто захочетъ, можетъ добыть пару штановъ... Воздадите кесарево кесареви, а Божіе — Богу. Вотъ гдѣ зарыта собака!... Кха-кха-кха! Всѣмъ этимъ я доказываю вамъ, что вы должны мнѣ ихъ уступить. Я аргументирую слѣдующимъ образомъ: каждый колоколъ кокольный на звонницѣ звеня, звономъ звонить заставляетъ звонко звонящихъ. Парижъ имѣетъ колокола. Слѣдовательно... (икаетъ)—ха-ха-ха! Вотъ это такъ сказано!—

Дѣйствительно, это сказано. Немудрено, что отвѣтомъ на великолѣпную рѣчь ученаго богослова былъ оглушительный хохотъ слушателей, отъ котораго они долго не могли оправиться, и въ которомъ принялъ участіе также и его виновникъ.

Стоить ли разговаривать съ подобными людьми? Вѣдь нелѣпность раздѣляетъ съ истиной то преимущество, что, подобно ей, опровергнута быть не можетъ. Остается смѣяться—если только не приходится плакать. Но можетъ случиться и это. Люди съ умственными способностями и методомъ аргументаціи почтеннаго Брагмардо занимаютъ отвѣтственныя должности, напр., судебныя, и можно представить себѣ, съ какимъ глубокомысліемъ и справедливостью рѣшаютъ они тогда судебные процессы! Откладывая приговоръ въ долгій ящикъ, они малодушно накапливаютъ огромное количество документовъ, и въ концѣ концовъ обна-

руживаютъ полное безсиліе въ нихъ разобраться, потому что сами искусственно затемнили и осложнили первоначально простой вопросъ. Пантагрюэль вполне правъ, когда, приглашенный для рѣшенія одного такого запутаннаго процесса, приказываетъ прежде всего сжечь всѣ относящіяся къ нему бумаги, а потомъ съ невозмутимо-серьезнымъ видомъ разражается по адресу присутствующихъ цѣлымъ потокомъ отборной чепухи, въ которой вразумительно только одна послѣдняя фраза: и будьте (истецъ и отвѣтчикъ) друзьями попрежнему. Онъ, что называется, вышибалъ клинъ клиномъ, и судьи были такъ поражены его юридическими дарованіями, что нѣсколько часовъ пребывали въ глубокомъ обморокѣ... Пантагрюэль насмѣялся надъ ними, а они даже не замѣтили мистификаціи!...

Лишенные просвѣщенной помощи трезвыхъ людей, юристы этого закала откровенно отдаются на волю Божію, и рѣшаютъ дѣла необумъ. Такъ поступаютъ благодушный Бридуа, создающій, въ оправданіе своего невѣжества, даже цѣлую оригинальную теорію рѣшенія запутанныхъ процессовъ. По его мнѣнію, всякій такой процессъ при своемъ возникновеніи представляетъ изъ себя нѣчто несуразное, подобно медвѣдю, рождающемуся, по средневѣковому предположенію, абсолютно безъ всякихъ членовъ. Потомъ, по мѣрѣ накопленія бумагъ, онъ формируется и, какъ нарывъ, отъ времени достигаетъ зрѣлости. Тогда въ чемъ состоитъ функція служителя Фемиды? Недаромъ ее изображаютъ съ повязкой на глазахъ: судья долженъ собрать въ два отдѣльныхъ мѣшка бумаги истца и отвѣтника и, взявъ игральныя кости, прокинуть ими по разу въ пользу того и другого: кому больше очковъ выкинется, тотъ, значить, и правъ.

Такъ дѣйствовалъ честный Бридуа въ теченіе многихъ лѣтъ, и все шло благополучно, пока, наконецъ, по поводу одного какого-то вопіюще нелѣпаго рѣшенія его не отдали подъ судъ. Тогда пришлось ему раскрыть свой методъ, но объясняя его и тѣмъ оправдываясь, онъ не видитъ особыхъ причинъ смущаться и все время ссылается на таковую же практику своихъ собратьевъ по профессіи (comme vous autres, messieurs)! Вотъ они, печальные результаты дѣятельно-

сти людей, получившихъ схоластическое образованіе: голова ихъ набита всякаго рода свѣдѣніями, „какъ перина пухомъ“; но прилагать ихъ къ дѣлу они рѣшительно не умѣютъ и поступаютъ такъ, какъ если бы не знали ровно ничего. Въ рукахъ такихъ вершителей правосудія, какъ Бридуа, законы (онъ ихъ постоянно цитируетъ) не имѣютъ никакой практической силы, и только составляютъ своего рода необходимый, по несъѣдобный гарниръ къ блюду, изготовленному чистѣйшимъ невѣжествомъ. И были ли люди, такимъ манеромъ „отпрепарированные“, богословами, юристами или лѣкарями,—существо дѣла отъ этого нисколько не мѣнялось, и конкретной разницы между ними не было: они оставались схоластиками, словесныхъ дѣлъ мастерами, и врачъ, объяснявшій *et cathedra* Галѣна и Ипократа, зналъ въ практической медицинѣ не больше, чѣмъ любой профанъ... Все это подданные прожорливой, но тощей Квинтъ—Эссенціи, безсмертной повелительницы царства Ложной Науки. Раблэ нисколько даже не преувеличиваетъ, а лишь типизируетъ явленія дѣйствительности, заставляя ненасытно и бесплодно любознательныхъ схоластовъ рѣшать вопросы, въ родѣ того—*an potest Chimaera bombinans in vacuo edere secundas intentiones?* Какъ это ни странно, какъ ни дико, но эти люди морочили самихъ себя, и въ этомъ видѣли нерѣдко весь смыслъ и назначеніе своей жизни. Въ кн. II есть великолѣпная, но совершенно, къ сожалѣнію непереводимая по своей крайней непристойности глава, гдѣ безпардонный циникъ Панюржъ диспутируетъ о предметахъ метафизическихъ съ ученымъ англичаниномъ Таумастомъ. Англійскій энтузіастъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, что онъ „для науки жизни не пощадить“. Истина была ему дороже всего на свѣтѣ.

Чтобы добиться ея, онъ бросилъ все свои дѣла, смѣло переплылъ Ламаншъ и явился во Францію состязаться въ мудрости съ Пантагрюэлемъ. Но увы! эта вождельная истина была истиной метафизической, т. е. несодержательной, неопредѣленной и неуловимой, а потому съ ней возможны были всякія мошенническія продѣлки. Отстранивъ Пантагрюэля, собиравшагося всю ночь готовиться къ предстоящему диспуту, Панюржъ взялся собственными силами

удовлетворить заморскаго схоласта на всю его остальную жизнь. Сколько безпощадной жестокости, сколько наглаго неуваженія къ человѣческому идеализму и въ то же время—сколько несомнѣннаго здраваго смысла въ обращеніи этого пройдохи съ заѣзжимъ докторомъ богословія! Въ самомъ дѣлѣ—развѣ не трижды правъ Панюржъ, находя, что о тѣхъ вопросахъ и матеріяхъ, которыми интересовался Таумастъ, можно толковать только съ помощью знаковъ, потому что они не поддаются никакой формулировкѣ и квалифікаціи? Но развѣ въ то же время не глубоко возмутительны и оскорбительны тѣ крайне неприличные жесты, которыми онъ съ дьявольской изобрѣтательностью отвѣчаетъ на такую же безмолвную, но полную тайнаго смысла, вдохновенную аргументацію великаго ученаго? Горько и обидно присутствовать при этой сценѣ, потому что она касается всехъ донкихотовъ науки, всехъ искателей непознаваемой сущности вещей, тѣхъ „*choses absconses*“, которыхъ не дано постигнуть человѣку... Мало любить истину, мало хотѣть пожертвовать ей всемъ,—надо еще умѣть давать разумное направленіе своимъ изслѣдованіямъ,—иначе самый добросовѣстный человѣкъ рискуетъ сдѣлаться добычей темныхъ силъ, посмѣшищемъ хитраго шарлатана. Панюржъ заставилъ Таумаста, выражаясь технически, „сѣсть въ калоши“ (*conchier vinaigre*, какъ выразился онъ самъ), хотъ и самъ не понималъ, о чемъ шла рѣчь... И стоило переплыть моря для того, чтобы быть такъ пошло околпаченнымъ? *Der Kasus macht mich lachen!* И если намъ не становится вконецъ жутко отъ этого фарса, то только потому, что онъ написанъ Раблэ—великимъ человѣколюбцемъ

Благо однако Панюржу, что Таумастъ согласился объясняться съ нимъ знаками: диспутируй они на словахъ, дѣло могло бы повернуться совершенно иначе. Въ изворотливости схоластики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ полной практической бесполезности ея Панюржу пришлось убѣдиться въ другомъ случаѣ, именно, когда онъ самъ захотѣлъ рѣшить реальный жизненный вопросъ: жениться ему или нѣтъ? Онъ имѣлъ тогда неосторожность обратиться за совѣтомъ къ философу Трульогану, и вотъ образчикъ ихъ бесѣды надъ

Панюржъ. Слѣдуетъ ли мнѣ жениться?

Трульоганъ. Повидимому.

П. А если я не женюсь?

Тр. Не предвижу отъ этого никакихъ осложнений.

П. А я вижу ихъ кучу.

Тр. Перечислите.

П. Я не могу обходиться безъ женщины, чортъ бы меня побралъ.

Тр. Оставьте чертей въ покоѣ.

П. Ну—такъ клянусь Богомъ! Какъ же, жениться мнѣ или нѣтъ?

Тр. Съ Богомъ!

П. А ладно ли это выйдетъ?

Тр. Какъ случится.

П. А если выйдетъ ладно, буду ли я счастливъ?

Тр. Въ достаточной степени.

П. А если нѣтъ?

Тр. Я буду тутъ ни при чемъ.

И такъ далѣе—три страницы, безъ всякаго результата.

Есть ли какой-нибудь смыслъ въ подобномъ разговорѣ?

И не та же ли это „химера, толкущаяся въ пустомъ пространствѣ“? Положимъ, и вопросъ Панюржа такого сорта, что никто не въ состояніи отвѣтить на него категорически. Но не люби Трульоганъ пустословія, онъ могъ бы высказать это Панюржу въ двухъ словахъ. Наконецъ, будь на мѣстѣ этого тщеславнаго софиста живой человѣкъ, онъ сумѣлъ бы все-таки коснуться болѣе конкретныхъ сторонъ житейской проблемы, согрѣть ее тепломъ сердечнаго участія. Эти же господа заботятся только о томъ, чтобы за ними осталось послѣднее слово.

Но и самъ Панюржъ одного съ ними поля ягода; и онъ умѣетъ морочить людей тонкостями схоластической діалектики, одурманивать ихъ цвѣтами изворотливаго краснорѣчія. Послушайте его разсужденія о долгахъ, полюбуйте картиной міровой гармоніи, построенной на началахъ всеобщей взаимной задолженности! Получивъ въ подарокъ отъ своего царственнаго друга замокъ Сальмигонденъ со всѣми прилегающими къ нему угодьями, Панюржъ

такъ хорошо распорядился, что менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли, промоталъ вѣрный и невѣрный доходъ со своихъ владѣній за три года впередъ. Это онъ называлъ „ѣсть свой хлѣбъ на корню“. Призванный къ отвѣту Пантагрюлемъ, онъ со свойственнымъ ему безстыдствомъ сталъ доказывать свою правоту и благоразуміе. Приведемъ его рѣчь въ сокращеніи.

„Право, когда я хорошенько подумаю, то вижу, что вы напрасно меня обижаете, упрекая за долги и кредиторовъ... Какъ разъ въ этомъ вѣдь и состоитъ моя заслуга. Въ самомъ дѣлѣ, вопреки мнѣнію всѣхъ философовъ, утверждающихъ, что изъ ничего ничто и выходитъ, я, не имѣя ровно ничего, никакого первоначальнаго вещества, оказался творцомъ и создателемъ. Что я создалъ?—А какъ же?—прекрасныхъ и добрыхъ кредиторовъ... Кредиторы—это мои „кандидаты“, мои паразиты, мои лстецы, мои прорицатели, мои неизмѣнные панегиристы... Долги—продолжаетъ онъ, играя понятіемъ долга и перенося его изъ жизни человѣческой въ область отношеній космическихъ—это наилучшая связь между небомъ и землею..., это по преимуществу та великая душа вселенной, которая, по ученію академиковъ, оживляетъ всѣ вещи... Представьте себѣ только мысленно любой міръ, въ которомъ нѣтъ ни должниковъ, ни кредиторовъ,—міръ безъ долговъ!? Да въ немъ нарушилось бы правильное теченіе свѣтилъ и воцарился бы хаосъ!“... И продолжая развивать свою мысль, Панюржъ вдохновенной кистью набрасываетъ грандіозный эскизъ земнаго благоденствія на почвѣ стремленія всѣхъ и cadaго брать и давать займы... Онъ говоритъ такъ увлекательно, такъ умно, такъ искренно, что невольно поддаешься чарамъ его діалектики и даже начинаешь принимать его слова за выраженіе мыслей и взглядовъ самого Раблэ. Однако—минуту терпѣнія! Выслушаемъ отвѣтъ Пантагрюэля.

— Прекрасно,—сказалъ Пантагрюэль,—я нахожу, что вы отличный риторъ и преданы своему дѣлу. Но хотя бы вы проповѣдывали и разглагольствовали отсюда вплоть до Троицына дня, вы не убѣдите меня своимъ краснорѣчіемъ и не заставите влѣзть въ долги. Никакихъ долговъ другъ

передъ другомъ не имѣйте, кромѣ долга взаимной любви,—говорить апостоль. Вы закидали меня здѣсь прекрасными метафорами и живописными сравненіями,... но увѣряю васъ, если въ городѣ появится нахальный обманщикъ, безстыдный человѣкъ, берущій въ долгъ направо и налево, то вы увидите, что при его приближеніи люди будутъ приходить въ такое же смѣненіе и ужасъ, какъ если бы ихъ посѣтила живая чума.—

Вотъ голосъ простого здраваго смысла; онъ дѣйствуетъ на жонглеровъ слѣва, какъ крикъ пѣтуха на привидѣнія. Послѣ отповѣди Пантагрюэля апломбъ Панюржа мгновенно падаетъ, и самъ онъ съеживается, какъ проткнутый пузырь. Итакъ—еще разъ—вотъ плоды схоластики: однихъ она дѣлаетъ идиотами и совершенно непригодными къ жизни людьми; другихъ развращаетъ, научая искажать правду словами. *Science sans conscience*, по вѣрному замѣчанію Гаргантюа,—*n'est que corruption d'âme*.

Раблэ вообще врагъ всякой обманчивой внѣшности, всякаго ложнаго блеска; во всемъ онъ стремится добраться до сути и оцѣнить по достоинству эту суть. Таково его отношеніе къ войнѣ.

Война.

Учрежденіе постоянной арміи, увеличеніе доходовъ, усиленіе централизаціи дали въ руки французскихъ королей невиданную дотолѣ власть. Людовикъ XI довершаетъ пораженіе феодаловъ, но, сухой и расчетливый, не увлекается своимъ могуществомъ и не тратитъ людей и денегъ зря. Но Карлъ VIII уже мечтаетъ о завоеваніяхъ и въ мечтахъ покоряетъ весь міръ. Даже миролюбивый Людовикъ XII перешагиваетъ Альпы; однако злая судьба скоро принуждаетъ его вернуться назадъ и заняться, на манеръ старика Грангузье, поджариваніемъ каштановъ у домашняго очага. Для тогдашнихъ французовъ Италія была своего рода Америкой: со своимъ синимъ небомъ, мраморными дворцами, памятниками античнаго искусства, миртовыми и апельсиновыми рощами, она казалась имъ земнымъ раемъ и соблазняла на авантюры. Противъ этого опьяненія—заальпійской природой и цивилизаціей и завоевательнымъ пыломъ—возстаетъ здравый практическій смыслъ и гуманная философія Раблэ. Рисуя блестящее начало и печальный

конецъ ратныхъ подвиговъ желчныхъ и самонадѣянныхъ Пикрошолей и Анарховъ, Раблэ заставляетъ монарховъ Европы задуматься надъ причинами жалкой участи этихъ запоздалыхъ преемниковъ Пирра и ближе взглянуть въ истинную сущность ихъ политики. Онъ напоминаетъ имъ ихъ обязанности, заповѣди Христа, идеалы культурной эпохи, разоблачаетъ ихъ эгоизмъ и, ошипавъ хищникамъ крылья, отдаетъ ихъ на посмѣшище толпѣ... Уже съ самаго начала глупая важность Пикрошоля и его величественные планы производятъ на насъ комическое впечатлѣніе.—Государь,—говорятъ ему его генералы,—сегодня мы сдѣлаемъ васъ счастливѣйшимъ, храбрѣйшимъ изъ всѣхъ государей, какіе только существовали на свѣтѣ со временъ Александра Македонскаго!—Накройте, накройте!—сказалъ Пикрошоль.—Благодаримъ, государь. Мы знаемъ свой долгъ. Такъ вотъ что надо дѣлать: вы оставите здѣсь (въ завоеванной крѣпости) небольшой гарнизонъ, а армію свою раздѣлите на двѣ части... Одна часть атакуетъ войско Грангузье и, конечно, безъ труда разобьетъ его; это дастъ вамъ въ руки большую сумму денегъ. Другая часть арміи пойдетъ на Они, Сентонжъ,... Гасконъ, потомъ на Перигоръ и пр. и пр. Далѣе они съ головокружительной быстротой переправляются въ Испанію, покоряютъ Майорку и Минорку, Тунисть, Алжиръ, Корсику, Сардинію, берутъ Циклады, сворачиваютъ на Морею—и держись Іерусалимъ!—Я выстрою тамъ храмъ Соломоновъ!—успѣваетъ вставить Пикрошоль. Но ему очень своевременно напоминаютъ мудрое правило Октавія-Августа—*festina lente* (спѣши медленно)—и предлагаютъ сосредоточить свое вниманіе на М. Азій... Такъ или иначе, но въ концѣ концовъ весь міръ лежитъ у ногъ Пикрошоля—увы! въ мечтахъ... А въ дѣйствительности онъ разбитъ, принужденъ бѣжать и скитаться въ рубищѣ, какъ нищій. Какая-то полоумная старуха предсказала ему, что онъ вернетъ свое королевство, когда пріѣдутъ турусы на колесахъ. И онъ дожидается ихъ. А пока поденнымъ трудомъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе... Таковъ прозаическій финалъ грандіозныхъ замысловъ. Отъ великаго до смѣшнаго, дѣйствительно, оказывается одинъ только шагъ.

Еще поучительнѣе судьба короля Анарха. Побѣдивъ этого азартнаго вояку, Пантагрюэль подарилъ его Панюржу, и тотъ распорядился съ нимъ по-своему: одѣлъ его въ шутовскую куртку и штаны съ вырѣзами, голову украсилъ дурацкимъ колпакомъ, женилъ его на грязной старухѣ и заставилъ торговать зеленымъ соусомъ. — Вотъ вамъ господинъ король надъ тремя печеными яблоками, — представлялъ онъ своего воспитанника Пантагрюэлю. — Я хочу сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка... И когда бѣдный оболваненный Анархъ недостаточно энергично выкрикивалъ свой товаръ, то Панюржъ дергалъ его за ухо, приговаривая: — Пой громче! у тебя, чортъ возьми, здоровая глотка, и ты никогда не былъ такъ счастливъ, какъ теперь, когда пересталъ быть королемъ. — Эти черти-короли, — замѣчаетъ Панюржъ въ другомъ мѣстѣ, — годны только на то, чтобы подвергать всяческимъ бѣдствіямъ несчастныхъ подданныхъ и смущать міръ войной ради собственнаго беззаконнаго удовольствія. —

Да воздастся же имъ за это сторицей; пусть торгуютъ они луковымъ соусомъ здѣсь и работаютъ въ качествѣ солеваровъ, лодочниковъ, скотниковъ, стекольщиковъ, золотарей, башмачниковъ и т. д. — на томъ свѣтѣ, гдѣ будутъ помыкать ими бѣдные философы. — Я видѣлъ, — говоритъ умершій и чудесно воскрешенный Эпистемонъ, — я видѣлъ Діогена, красовавшагося въ великолѣпной пурпурной мантии, со скиптромъ въ правой рукѣ; онъ билъ, какъ собаку, Александра Македонскаго, если тотъ плохо починить ему штаны... Тамъ папа Юлій торгуетъ пирожками и плачетъ, какъ дитя, когда съ нимъ расплачиваются за товаръ такой же монетой... Да вѣдаютъ всѣ эти герои — Киры, Александры, рыцари Круглаго Стола, всѣхъ временъ Пикрошоли и Анархи, что „нынче не тѣ времена, чтобы завоевывать королевства въ ущербъ благосостоянію ближнихъ и братьевъ нашихъ во Христѣ; что это подражаніе древнимъ противно духу Евангелія, и то, что прежде носило громкое названіе подвиговъ, мы теперь называемъ просто разбоемъ“.

Монахи.

Въ гл. 40-й кн. I, коснувшись вопроса о томъ, почему порядочные люди избѣгаютъ общества монаховъ, Гаргантюа

отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: главная причина этому та, что монахи питаются грязью міра, его грѣхами, а потому ихъ и загоняютъ въ монастыри и аббатства, изолированные отъ прочихъ человѣческихъ жилищъ. — И если вамъ понятно, — продолжаетъ Гаргантюа, — почему обезьяну всегда преслѣдуютъ и дразнятъ, то вы легко догадаетесь также, почему всѣ избѣгаютъ монаховъ — безъ различія, старыхъ или молодыхъ. Обезьяна не стережетъ дома, какъ собака; не пашетъ, какъ волъ; не даетъ молока и шерсти, какъ овца; не перевозитъ тяжестей, какъ лошадь; ея дѣло все загаживать и портить, и за это всѣ осыпаютъ ее насмѣшками и палочными ударами. Подобно ей и монахъ (я имѣю въ виду монаховъ-тунеядцевъ) не работаетъ, какъ крестьянинъ; не охраняетъ страны, какъ солдатъ; не лѣчитъ больныхъ, какъ врачъ; не проповѣдуетъ и не наставляетъ мірянъ на путь истины, какъ добрый пастырь и педагогъ; не радѣетъ о выгодахъ государства и не доставляетъ предметов первой необходимости, какъ купецъ. И вотъ почему монаховъ всѣ травятъ и презираютъ.

— Однако, — замѣтилъ Грангузье, — они молятъ Бога за насъ. — Ничуть не бывало, — возразилъ Грагантюа, — хоть правда, они оглушаютъ окрестныхъ жителей своимъ колокольнымъ трезвonomъ. Они бормочутъ легенды и псалмы, которыхъ не понимаютъ, и отчитываютъ бездну отчужденности, пропѣванныхъ безконечными Ave Maria, тоже не вникая въ ихъ смыслъ. Это я называю кощунствомъ, а не молитвой... Но, — прибавилъ онъ, помолчавъ, — да поможетъ имъ Богъ, если они дѣйствительно молятся за насъ не только изъ страха лишиться хлѣба и своихъ жирныхъ похлебокъ...

Этой характеристикѣ вѣрны всѣ монахи, изображенные въ романѣ: всѣ они грязны, жадны, глупы, нахальны, невѣжественны и ни къ чему не способны. Когда непріятель нападаетъ на монастырь Сѣлье, братія съ игуменомъ во главѣ не находятъ ничего лучшаго, какъ предаться бессмысленному пѣнію, которое прекращаетъ своими ругательствами братъ Жанъ... Отбивъ у врага плѣнныхъ паломниковъ, братъ Жанъ заводитъ съ ними бесѣду. — Изъ какихъ вы мѣстъ, горемычные? — Изъ Сень-Жну, — отвѣчали они.

— Ну, а какъ поживаетъ тамъ аббатъ Траншельонъ?— спросилъ монахъ:—онъ выпить не дуракъ. Да хорошо ли ѣдятъ у васъ монахи? Клянусь, они спятъ съ вашими женами, пока вы тутъ паломничаете. — Хе-хе! — сказалъ Ласдаллеръ (предводитель паломниковъ): — за свою-то я не боюсь! Кто увидитъ ее днемъ, не рискнетъ забраться къ ней ночью...—Вотъ вздоръ! — перебилъ братъ Жанъ:— будь она страшна, какъ Прозерпина, ей не сдобровать, коли по близости есть монахи. И заѣвъ меня проказа, если по возвращеніи домой вы не найдете ее съ прибылью; ибо одна тѣнь монастырской колокольни имѣетъ уже оплодотворяющую силу. — Ужъ это какъ нильская вода въ Египтѣ, — задумчиво сказалъ Гаргантюа...

Въ рясѣ, по откровенному признанію брата Жана, — только здоровѣе пьется. — Мнѣ веселѣй въ ней, — отвѣчаетъ онъ Гимнасту на предложеніе разоблачиться: — когда я въ этомъ одѣяніи сяду за столъ, то выпью, ей Богу, и за тебя, и за твою лошадь. — Желудокъ брата Жана — луженый, обемистый, какъ сапогъ св. Бенедикта, и всегда отверстый, какъ сума адвоката, — типичный монашескій, а не какой-нибудь другой желудокъ. Одинъ монахъ, побывавшій въ Италіи, совершенно не оцѣнилъ тамъ памятниковъ старины и произведеній искусства и, глядя на нихъ, тосковалъ объ амьенскихъ харчевняхъ... Умирающій поэтъ Раминогробисъ проситъ пришедшихъ къ нему за совѣтомъ Панюржа съ товарищами удалиться, потому что онъ чувствуетъ себя утомленнымъ. — Въ этотъ послѣдній день мая и мой послѣдній день, — говоритъ онъ, — мнѣ уже пришлось выгнать съ большимъ трудомъ цѣлую свору скверныхъ, нечистыхъ и зловонныхъ тварей — черныхъ, пестрыхъ, бурыхъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ, крапчатыхъ, — которыя мѣшали мнѣ спокойно умереть... Сойдите съ ихъ пути, не уподобляйтесь имъ. — Плывя къ Оракулу Божественной Бутылки, Пантагрюэль съ компаніей повстрѣчали девять трехмачтовыхъ судовъ, наполненныхъ монахами всѣхъ колеровъ, и вслѣдъ за тѣмъ разразилась страшная буря...

Всѣ эти мѣста романа не нуждаются въ комментаріи и даютъ намъ ясное представленіе объ отношеніи Раблэ къ

монахамъ: онъ ненавидитъ ихъ всей душой... Монахи захолустные, невѣжественные, бѣдные, молящіеся ради куска хлѣба, — смѣшны и отвратительны; монахи ученые, богатые, сильные, засѣдающіе на соборахъ, занимающіеся сыскомъ, жгущіе еретиковъ, — страшны, и тѣмъ болѣе отвратительны. Въ ужасномъ образѣ свирѣпаго и алчнаго Грипмино, предводителя „пушистыхъ котовъ“ Раблэ соединилъ какъ будто черты средневѣкового уголовного судьи съ чертами монаха инквизитора. И вотъ характеристика его и его шайки: они сожигаютъ, обезглавливаютъ, четвертуютъ, сажаютъ въ тюрьму, разоряютъ и губятъ все безъ разбора... У нихъ порокъ называется добродѣтелью, злость — добротой, измѣна — вѣрностью, кража — щедростью. Ихъ лозунгъ — грабежъ... И все это они творятъ съ верховнымъ и неотразимымъ авторитетомъ... Родныя дѣти ихъ чувствуютъ къ нимъ ужасъ и отвращеніе. Попасть въ ихъ застѣнокъ ничего не стоитъ, но выбраться оттуда почти невозможно — развѣ только отдавши имъ все, что имѣешь, — „ибо не было случая, чтобы кто-нибудь ушелъ отсюда не ошипанный, а чаще, ей-ей, даже съ ободранной шкурой“ (V, 12). И какъ радуется Раблэ, когда можетъ отомстить этимъ кровопійцамъ безнаказанно! Въ прологѣ кн. III онъ называетъ ихъ старыми обезьянами, отъ которыхъ нечего ждать пріятныхъ гримасъ. — Прочь, негодяи, съ моей дороги! — кричитъ онъ имъ: — не заслоняйте мнѣ солнца, убирайтесь къ чорту! Видите палку, которую Діогенъ завѣщалъ положить съ нимъ рядомъ послѣ смерти, чтобы она отгоняла отъ него всѣхъ подлецовъ и лицемеровъ? Назадъ, пустосвяты, проваливайтесь, ханжи!...

Нравы, понятія и настроеніе „добрыхъ католиковъ“ Раблэ изобразилъ въ рядѣ главъ о папиманахъ, а римскую курію охарактеризовалъ въ эпизодѣ „Звонящаго Острова“. Ортодоксальный образъ мыслей папимановъ выражается въ энтузіастическомъ обожаніи имени и портрета папы, никогда не видѣннаго ими въ натурѣ, а также въ культѣ все-сильныхъ Декреталій. Едва успѣли путешественники сойти на берегъ, какъ папиманы толпой окружили ихъ и стали спрашивать: — Видѣли ли вы его? — Понявъ, наконецъ, о

Римская
курія.

комъ идетъ рѣчь, Панюржъ спокойно отвѣчаетъ, что видѣлъ ихъ (папъ) цѣлыхъ три штуки, но пользы ему это никакой не принесло. Тѣмъ не менѣе, узнавъ о выпавшемъ на его долю счастья, папиманы принимаютъ всю компанію съ распростертыми объятіями... Punctum saliens дальнѣйшаго повѣствованія является гротескный панегирикъ „божественнымъ декреталіямъ“, произносимый пьянымъ епископомъ Гоменацемъ. За спиртуозной трапезой онъ не устаетъ восхвалять ихъ всѣ вмѣстѣ и каждую въ отдѣльности.—О серафическая Секста! о херувимскія Клементины, о ангельскія Экстраваганты!—то и дѣло восклицаетъ Гоменацъ.—Когда же это наступитъ такая благодать среди людей, что всѣ они отбросятъ всякое иное ученіе,... чтобы читать только васъ, васъ слушать, васъ знать, вами пользоваться, вами насыщаться!... Найдите мнѣ другую книгу въ мірѣ, будь она философская, медицинская, юридическая, математическая, гуманитарная, даже хоть само Св. Писаніе, съ помощью которой можно было бы добыть такую уйму денегъ (400,000 дукатовъ въ годъ съ одной Франціи)? Вздоръ, вздоръ! вамъ не сыскать другого примѣра подобной златострующей энергіи!... И эти дьяволы-еретики еще не хотятъ изучать ее и знать! Такъ жгите же ихъ, рѣжьте, топите, вѣшайте, сокрушайте, потрошите, колесуйте, рубите ихъ на части, жарьте, сажайте за рѣшотки, распинайте, варите, превращайте въ уголь этихъ зловредныхъ еретиковъ, декреталифуговъ, декреталицидовъ, этихъ дьявольскихъ декреталиктоновъ, болѣе гнусныхъ, чѣмъ убійцы и отцеубійцы!

О книги божественныя!—ибо нѣтъ подъ небомъ людей, болѣе дѣльныхъ и на все способныхъ, чѣмъ тѣ, которые по Божію произволенію и вѣчному предопредѣленію предались изученію священныхъ декреталій! Хотите ли вы въ военное время избрать доблестнаго императора, надежнаго служаку, достойнаго водить полки, такого, что умѣлъ бы предвидѣть всякія затрудненія и избѣгать всякихъ опасностей, заботиться о своихъ людяхъ и поддерживать въ нихъ бодрость духа въ бою и во время осады, всегда побѣждать безъ урона и разумно пользоваться побѣдой,—возьмите декреталиста! Хотите ли вы въ мирное время найти человѣка

способнаго и подходящаго, чтобы управлять республикой, королевствомъ, имперіей, монархіей; поддерживать церковь, дворянство, сенатъ и народъ во всякомъ довольствѣ, дружбѣ, согласіи, покорности, добродѣтели и честности,—возьмите декреталиста! и т. д., и т. д.—то журчитъ, какъ ручеекъ, то грозно шумитъ и пѣнится, какъ разбушевавшаяся рѣка, вдохновенная рѣчь Гоменаца. Сквозь пьяное умиленіе нѣтъ-нѣтъ и прорвется свирѣпый фанатизмъ, въ масляныхъ глазкахъ, какъ отблескъ костра, мелькаетъ кровожадное пламя... Скорѣй! простимся съ этимъ „добрымъ католикомъ“ пока онъ не разорвалъ насъ на части...

То же тайное чувство смертельной опасности сопровождаетъ насъ и въ странствованіяхъ по блаженнымъ селеніямъ Звонящаго Острова. Съ геніальнымъ искусствомъ сумѣлъ здѣсь Раблэ насытить атмосферу этой сказочной Обломовки одуряющимъ ароматомъ какихъ-то жуткихъ чаръ, наводящихъ на душу безотчетную тревогу, взвинчивающихъ нервы и заставляющихъ подозрительно оглядываться назадъ, точно за спиной у васъ стоитъ невидимый врагъ, готовый пронзить васъ отравленнымъ кинжаломъ... Такъ мелодически звенятъ здѣсь старые колокола; машинально, какъ автоматы, слетаются на звонъ ихъ разноцвѣтныя птицы, чтобы начать свое хриплое пѣніе... Кончился заводъ, пружина ослабла, и въ сказочно-недвижномъ воздухѣ опять тишина... Только раздается изъ клѣтокъ сочный храпъ: спятъ глубокимъ, но чуткимъ сномъ разжирѣвшія птицы. Не будите ихъ неосторожнымъ словомъ, оскорбительнымъ и рѣзкимъ движеніемъ, а то не избыть вамъ бѣды неминуемой. Онѣ прилетѣли сюда изъ голодныхъ палестинъ, вытолкнуты изъ нѣдръ многолюдныхъ, а потому расчетливыхъ семей, и живутъ здѣсь, чуждые труда и заботы, питаются обильными подаваніями католическихъ странъ. Если бы небо стало мѣднымъ, а земля желѣзной, то и тогда имъ хватило бы запасовъ на 7—8 лѣтъ, на большее время, чѣмъ сколько длился голодъ въ Египтѣ.

— Чортъ возьми!—восклицаетъ Панюржъ;—не житье вамъ, а масленица на семъ свѣтѣ!—

— А на томъ,—убѣжденно добавляетъ Эдитю (руково-

комъ идетъ рѣчь, Панюржъ спокойно отвѣчаетъ, что видѣлъ ихъ (папъ) цѣлыхъ три штуки, но пользы ему это никакой не принесло. Тѣмъ не менѣе, узнавъ о выпавшемъ на его долю счастья, папиманы принимаютъ всю компанію съ распростертыми объятіями... Punctum saliens дальнѣйшаго повѣствованія является гротескный панегирикъ „божественнымъ декреталіямъ“, произносимый пьянымъ епископомъ Гоменацемъ. За спиртуозной трапезой онъ не устаетъ восхвалять ихъ всѣ вмѣстѣ и каждую въ отдѣльности.—О серафическая Секста! о херувимскія Клементины, о ангельскія Экстраваганты!—то и дѣло восклицаетъ Гоменацъ.—Когда же это наступитъ такая благодать среди людей, что всѣ они отбросятъ всякое иное ученіе,... чтобы читать только васъ, васъ слушать, васъ знать, вами пользоваться, вами насыщаться!... Найдите мнѣ другую книгу въ мірѣ, будь она философская, медицинская, юридическая, математическая, гуманитарная, даже хоть само Св. Писаніе, съ помощью которой можно было бы добыть такую уйму денегъ (400,000 дукатовъ въ годъ съ одной Франціи)? Вздоръ, вздоръ! вамъ не сыскать другого примѣра подобной златострующей энергіи!... И эти дьяволы-еретики еще не хотятъ изучать ее и знать! Такъ жгите же ихъ, рѣжьте, топите, вѣшайте, сокрушайте, потрошите, колесуйте, рубите ихъ на части, жарьте, сажайте за рѣшотки, распинайте, варите, превращайте въ уголь этихъ зловредныхъ еретиковъ, декреталифуговъ, декреталицидовъ, этихъ дьявольскихъ декреталиктоновъ, болѣе гнусныхъ, чѣмъ убійцы и отцеубійцы!

О книги божественныя!—ибо нѣтъ подъ небомъ людей, болѣе дѣльныхъ и на все способныхъ, чѣмъ тѣ, которые по Божію произволенію и вѣчному предопредѣленію предались изученію священныхъ декреталій! Хотите ли вы въ военное время избрать доблестнаго императора, надежнаго служаку, достойнаго водить полки, такого, что умѣлъ бы предвидѣть всякія затрудненія и избѣгать всякихъ опасностей, заботиться о своихъ людяхъ и поддерживать въ нихъ бодрость духа въ бою и во время осады, всегда побѣждать безъ урона и разумно пользоваться побѣдой,—возьмите декреталиста! Хотите ли вы въ мирное время найти человѣка

способнаго и подходящаго, чтобы управлять республикой, королевствомъ, имперіей, монархіей; поддерживать церковь, дворянство, сенатъ и народъ во всякомъ довольствѣ, дружбѣ, согласіи, покорности, добродѣтели и честности,—возьмите декреталиста! и т. д., и т. д.—то журчитъ, какъ ручеекъ, то грозно шумитъ и пѣнится, какъ разбушевавшаяся рѣка, вдохновенная рѣчь Гоменаца. Сквозь пьяное умиленіе нѣтъ-нѣтъ и прорвется свирѣпый фанатизмъ, въ масляныхъ глазкахъ, какъ отблескъ костра, мелькаетъ кровожадное пламя... Скорѣй! простимся съ этимъ „добрымъ католикомъ“ пока онъ не разорвалъ насъ на части...

То же тайное чувство смертельной опасности сопровождаетъ насъ и въ странствованіяхъ по блаженнымъ селеніямъ Звонящаго Острова. Съ геніальнымъ искусствомъ сумѣлъ здѣсь Раблэ насытить атмосферу этой сказочной Обломовки одуряющимъ ароматомъ какихъ-то жуткихъ чаръ, наводящихъ на душу безотчетную тревогу, взвинчивающихъ нервы и заставляющихъ подозрительно оглядываться назадъ, точно за спиной у васъ стоитъ невидимый врагъ, готовый пронзить васъ отравленнымъ кинжаломъ... Такъ мелодически звенятъ здѣсь старые колокола; машинально, какъ автоматы, слетаются на звонъ ихъ разноцвѣтныя птицы, чтобы начать свое хриплое пѣніе... Кончился заводъ, пружина ослабла, и въ сказочно-недвижномъ воздухѣ опять тишина... Только раздается изъ клѣтокъ сочный храпъ: спятъ глубокимъ, но чуткимъ сномъ разжирѣвшія птицы. Не будите ихъ неосторожнымъ словомъ, оскорбительнымъ и рѣзкимъ движеніемъ, а то не избыть вамъ бѣды неминуемой. Онѣ прилетѣли сюда изъ голодныхъ палестинъ, вытолкнуты изъ нѣдръ многолюдныхъ, а потому расчетливыхъ семей, и живутъ здѣсь, чуждые труда и заботы, питаются обильными подаваніями католическихъ странъ. Если бы небо стало мѣднымъ, а земля желѣзной, то и тогда имъ хватило бы запасовъ на 7—8 лѣтъ, на большее время, чѣмъ сколько длился голодъ въ Египтѣ.

— Чортъ возьми!—восклицаетъ Панюржъ;—не житье вамъ, а масленица на семъ свѣтѣ!—

— А на томъ,—убѣжденно добавляетъ Эдитю (руково-

датель по острову),—еще будетъ лучше. Во всякомъ случаѣ насъ не минуютъ поля Елисейскія! Такъ выпьемъ же друзья! Пью за ваше здоровье!

И поощряемые этимъ достойнымъ человѣкомъ путешественники пьютъ и ѣдятъ здѣсь днемъ и ночью столько, что теряютъ всякую способность соображать и сбиваются со счета времени...

На всѣхъ населяющихъ островъ птицъ—клерго, эвего, кардинго—есть всего одинъ папэго, рождающійся отъ нихъ по мѣрѣ надобности путемъ непорочнаго зачатія. Женщины здѣсь такимъ образомъ не нужны; это не мѣшаетъ однако каждому пернатому самцу имѣть свою нелегальную самку, которая тутъ же сидитъ съ нимъ въ клѣткѣ. Немудрено, что, глядя на нихъ, наши дипсодійцы только и дѣлаютъ, что богохульствуютъ. Къ счастью для ихъ религіозности и добрыхъ нравовъ они на третій день покидаютъ гостепріимный островъ.

Такова въ главнѣйшихъ чертахъ сатира Раблэ. Уже по ней, конечно, мы можемъ судить о силѣ его дарованія, мощномъ полетѣ его фантазіи, непринужденности его юмора. И все-таки не въ ней, сдается намъ, главная соль и прелесть романа, его *moelle substantifique*, а въ тѣхъ безчисленныхъ вставныхъ рассказахъ и сценахъ, сверкающихъ осколкахъ жизни, въ тѣхъ отступленіяхъ кстати и некстати, которыми испещрены, осыпаны его страницы. Въ нихъ Раблэ только отчасти моралистъ и сатирикъ, а больше—просто художникъ, бытописатель не вымышленной, а подлинной человѣческой дѣйствительности; и это хорошо, потому что даетъ намъ возможность насладиться его искусствомъ совершенно непосредственно, не трудясь надъ разрѣшеніемъ загадокъ хотя бы и прозрачныхъ, но все-таки, какъ-никакъ, вносящихъ въ поэзію чуждый ей элементъ рефлексіи.

Прочтемъ же и эти странички. Людямъ безъ предразсудковъ, умѣющимъ „смотреть въ корень“, не способнымъ возмущаться, какъ Тартюфъ, видомъ обнаженной груди женщины, онѣ могутъ доставить большое и при томъ совершенно безгрѣшное удовольствіе.

Какъ истинный геній, Раблэ презираетъ фабулу. Для

него главное не въ изобрѣтеніи сюжета, а въ его отдѣлкѣ, не въ томъ, что именно рассказывать, а въ томъ, какъ рассказать. Подобно многимъ великимъ художникамъ слова—подобно Боккачіо, Шекспиру, Мольеру,—Раблэ „бралъ свое добро, гдѣ попало“ (выраженіе Мольера: *je prends mon bien où je le trouve*), но, какъ они, онъ на давно избитые сюжеты умѣлъ накладывать печать своей творческой индивидуальности, то обновляя ихъ бытовымъ костюмъ, то углубляя и расширяя ихъ психологическое или философское содержаніе. Отъ этого у него нерѣдко затасканный анекдотъ пріобрѣтаетъ и новый, неожиданный смыслъ, и въ то же время интересъ и свѣжесть правдиваго факта жизни.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ прологѣ кн. IV Раблэ развиваетъ и распространяетъ извѣстную назидательную притчу о томъ, какъ одинъ честный дровосѣкъ уронилъ въ воду свой топоръ, молилъ водяного вернуть ему потерю, и что изъ этого вышло. У Раблэ героемъ приключенія является дровосѣкъ Кульятри, родомъ изъ Граво. Своими воплями по случаю пропажи топора онъ будоражитъ весь Олимпъ и мѣшаетъ собравшимся на совѣтъ богамъ заниматься дѣлами.—Какой это дьяволъ,—воскликаетъ наконецъ разсерженный Юпитеръ,—такъ страшно оретъ тамъ внизу!—И онъ посылаетъ къ дровосѣку Меркурію. Тотъ предлагаетъ ему три традиціонные топора (золотой, серебряный и желѣзный), изъ которыхъ Кульятри, съ истинно мужицкой дѣловитостью, выбираетъ свой.

Чортъ тебя дери!—радостно восклицаетъ онъ, признавъ свою мѣтку:—вотъ это мой топоръ, и если вы мнѣ его отдадите, я угощу васъ большимъ горшкомъ молока съ славной майской земляникой.—Но пріобрѣтеніемъ двухъ лишнихъ топоровъ исторія этого дровосѣка не кончается. Драгоцѣнные топоры Кульятри несетъ на продажу въ Шинонъ—городъ прекрасный, благородный, древній, первый въ мірѣ—и покупаетъ себѣ на вырученные деньги цѣлую уйму мызъ, хлѣбныхъ амбаровъ, строеній, домовъ, луговъ, виноградниковъ, лѣсовъ, пашень, прудовъ, мельницъ, садовъ, быковъ, коровъ, воловъ, овецъ, свиней, барановъ и т. д., и т. д. Глядя на него, всѣ сосѣдніе мужики чахнутъ отъ зависти, потомъ

Притча
о топорахъ

Вставные
рассказы.

начинают нарочно терять свои топоры и требовать ихъ отъ Юпитера обратно. Стоишь стоять въ воздухѣ отъ ихъ воплей. Скоро ни у одного сына честной матери не осталось топора, рубка лѣса прекратилась, и даже дворяне промѣнивали свои шпаги на топоры, чтобы потерять ихъ немедленно. Конечъ угадать нетрудно: всѣмъ этимъ дуракамъ Меркурій отрубаетъ головы, когда они жадно вцѣпляются въ золотые топоры.

Чортъ и
папфигьерка.

Народный анекдотъ лежитъ и въ основѣ разсказа о томъ, какъ одна старуха-панфигьерка околпачила чорта. Кто не знаетъ русской сказки Медвѣдь-половинщикъ, гдѣ мужикъ съ медвѣдемъ послѣдовательно засѣвали поле хлѣбомъ, рѣпой и т. д., при чемъ Миша бралъ себѣ то корешки, то вершки, неизмѣнно прогадывалъ и наконецъ рѣшилъ съѣсть мужика? И русская сказка хороша, но что ухитрился изъ нея сдѣлать Раблэ!

Сойдя на островъ папфигьеровъ, путешественники натываются въ часовнѣ на слѣдующую сцену: въ кропильницѣ, погруженный въ воду по самый носъ (кропильница—цѣлый бассейнъ въ полу часовни), сидитъ какой-то чловѣкъ, а кругомъ стоятъ три патера и заклинаніями изгоняютъ изъ него бѣса. Вотъ что съ нимъ произошло. Показавши кукишъ папѣ, папфиги тѣмъ самымъ сдѣлались подданными чорта. Одинъ изъ мелкихъ чертенятъ явился на островъ, увидѣлъ тамъ работавшаго въ полѣ крестьянина и заявилъ ему, что считаетъ землю своей собственностью, но ничего не имѣетъ противъ ея обработки; только урожаемъ мужикъ обязанъ дѣлиться съ нимъ пополамъ.—Трудись, смердъ, трудись,—сказалъ чортъ мужику съ нахальнымъ презрѣніемъ,—а я пойду соблазнять на веселый блудный грѣхъ монахинь, ханжей и лицемѣровъ.—Въ первый разъ чорту достались корешки пшеницы: мужикъ продалъ съ прибылью хлѣбъ, а черти на рынкѣ торговали своей соломой, и ихъ только осмѣяли. Чортъ разсердился. На слѣдующій годъ ему досталась ботва рѣпы. Онъ обозлился еще сильнѣй, и обѣщалъ мужику прійти состязаться съ нимъ въ искусствѣ царапанья. Приунылъ мужикъ, да спасибо выручила старуха. Прогнавъ мужа изъ дому, она стала одна

дожидаться нечистаго, и когда онъ смѣло вошелъ въ избу, подняла отчаянный крикъ:—Гдѣ онъ, злодѣй, палачъ, разбойникъ? онъ меня сгубилъ, я пропала, я умираю отъ боли!—Что онъ вамъ сдѣлалъ?—галантно освѣдомился чортъ:—вотъ я уже съ нимъ перевѣдаюсь!—Ахъ!—завопила еще громче старуха,—онъ мнѣ сказалъ, палачъ, тиранъ, чортовъ чесальщикъ этакій, что подрядился чесаться съ вашей милостью, и для пробы царапнулъ меня всего одинъ разъ... и чуть не разодралъ надвое! Я погибла, мнѣ больше не выздоровѣть. А теперь онъ пошелъ въ кузню оттачивать когти. Вы пропали, господинъ дьяволъ, другъ мой! Спасайтесь, пока цѣлы; бѣгите!.. Вотъ полюбуйтесь-ка!—И съ этими словами она обнажила себя до подбородка, какъ дѣлали персидскія женщины передъ юнцами, бѣжавшими съ поля битвы... Пораженный столь ужаснымъ зрѣлищемъ, чортъ заоралъ благимъ матомъ:—Магонъ, Деміургонъ, Мегера, Алектъ, Персефона!.. и удралъ безъ оглядки.

Оставляемъ разсказъ безъ комментарія. *Sapienti sat.* Въ оригиналѣ онъ производитъ невыразимо комическое впечатлѣніе.

А вотъ и еще исторія. Ее рассказываетъ Пантагрюэлю Панюржъ при посѣщеніи ими острова Прокураціи. Это уже не притча, не передѣлка международного сюжета, а картинка съ натуры, правдивая страничка изъ судебной лѣтописи того времени, обработанная въ формѣ гротеска анекдота. Выше мы уже сказали о томъ, что ябедники острова Прокураціи питаются побоями. Но тутъ всего интереснѣ техника этого промысла, которая заключается въ слѣдующемъ: когда какой-нибудь монахъ, попъ, ростовщикъ или стряпчій захочетъ погубить дворянина, онъ насылаетъ на него ябедника. Тотъ тащитъ его въ судъ, томитъ волокитой, оскорбляетъ его, нагло ругаетъ, сообразно полученной инструкции, и доводитъ своего „кліента“ до того, что этотъ послѣдній,—если только онъ не разслабленный и не круглый дуракъ—бываетъ вынужденъ избить его палкой, или исколотъ шпагой, или переломать ему ребра, а не то, такъ выбросить его изъ окна своего замка. За это дворянину приходится, конечно, платить, и такимъ образомъ онъ разоряется,

Свадьба
Баши.

а ябедникъ богатѣть. Такъ вотъ какой остроумный способъ борьбы съ этими негодяями придумалъ почтенный дворянинъ Баше, когда однажды подвергся такой же напасти. Онъ рѣшилъ использовать для этой цѣли старинный свадебный обычай, согласно которому участники брачной церемоніи награждали другъ друга по ея окончаніи легкими тумаками. Хорошо разучивъ предварительно со своими служащими комедію свадьбы, почтенный дворянинъ Баше превосходно отдѣлалъ подъ предлогомъ обычая перваго же притащившагося къ нему ябедника. Но одного такого урока оказалось недостаточнымъ для этого живучаго отродья, и—новый ябедникъ появился однажды у замковыхъ воротъ. Его приняли по заведенному порядку, и, выпивъ послѣ свадьбы добрую чару вина, онъ самъ обратился со слѣдующими словами къ господину Баше.

— Милостивый государь! какъ по вашему, подобаетъ праздновать свадьбу? По моему, ее празднуютъ теперь не такъ, какъ надо—всѣ добрые старые обычай, чортъ возьми, забываются!... Міръ совсѣмъ съ панталыку сбился. Наступаютъ послѣднія времена! Вотъ поглядите: свадьба, свадьба, свадьба!—и съ этими словами онъ похлопалъ Баше и его жену, а также дѣвицъ и Удара (священника)... Ну, тутъ ужъ пошли въ ходъ желѣзныя рукавицы, и ябеднику пробили голову въ девяти мѣстахъ. Одному изъ его помощниковъ вывихнули правую руку, другому свернули верхнюю челюсть, такъ что она на половину свѣсилась на подбородокъ, и выбито было при этомъ много зубовъ: рѣзцовъ, коренныхъ и другихъ. Когда заиграли въ тамбуринъ, желѣзныя рукавицы были незамѣтно припрятаны, и гостей стали обносить десертомъ и провозглашать тосты за здоровье другъ друга; и всѣ пили за здоровье ябедника и его помощниковъ. Ударъ жаловался и осуждалъ свадебный обычай, ссылаясь на то, что одинъ изъ помощниковъ ябедника своротилъ ему плечо. Тѣмъ не менѣе онъ съ удовольствіемъ выпилъ за его здоровье. Помощникъ съ вывернутой челюстью складывалъ руки и молча просилъ у него прощенія, потому что говорить онъ уже не могъ. Луаръ (пекарь) жаловался, что помощникъ съ вывихнутой рукой

закатилъ ему такой ударъ кулакомъ въ бокъ, что у него пятку выворотило наизнанку... — Ну, что я имъ сдѣлалъ худого?—хныкалъ Трудонъ, прикрывая глазъ платкомъ и показывая продавленный тамбуринъ. — Они не только разсадили мнѣ глазъ, но вдобавокъ пробили еще и тамбуринъ. На свадьбахъ обыкновенно хоть и бьютъ въ барабанъ, но самихъ музыкантовъ не колотятъ, а потчуютъ... Чортъ бы ихъ побралъ!—Братъ!—говорилъ ему изуродованный ябедникъ,—я дамъ тебѣ прекрасный, большой, старый королевскій патентъ, что у меня сейчасъ за поясомъ, и ты заклеишь имъ свой тамбуринъ. Только ради Бога—прости насъ! Клянусь Богородицей Ривьерской, я не хотѣлъ тебѣ сдѣлать зла.—Одинъ изъ конюховъ, спотыкаясь и хромя, обратился къ ябеднику съ разможенной челюстью и сказалъ:—Да что вы, наконецъ,—драчуны, деруны или дробилы? Мало вамъ того, что вы вытрясли изъ насъ душу, расчехвостили насъ въ пухъ и прахъ, но вы еще отмочалили намъ бока, отштукатурили на обѣ корки и наставили намъ фонарей подъ глазами! И это вы называете забавой! Дери васъ за это лукавый!—Ябедникъ, молитвенно сложивши руки, просилъ у него, повидимому, прощенія, но только бессмысленно бормоталъ: мок-мок-мок,—какъ мартышка. Новобрачная смѣялась сквозь слезы и плакала, смѣясь, по поводу того, что ябедникъ, не удовольствовавшись нанесеніемъ ей побоевъ по всѣмъ частямъ тѣла, еще растрепалъ ей прическу и оскорбилъ ея женскую стыдливость... Синьоръ Баше говорилъ, что изумленъ энергіей ябедника, но охотно прощаетъ ему тумакъ, потому что видитъ въ нихъ милыя свадебныя шутки—*des petites caresses nuptiales*. Мэтръ-д'отель однако не раздѣлялъ его взгляда. Онъ высказалъ предположеніе, что самъ чортъ принесъ его на эту свадьбу, и увѣрялъ, что руки у него буквально расщеплены отъ полученныхъ имъ побоевъ. Ябедникъ уже не могъ говорить. Помощники извинялись за него и просили Христомъ Богомъ простить ихъ... Съ тѣмъ и уѣхали. Въ полумилѣ отъ замка ябеднику сдѣлалось дурно... Вернувшись на островъ Бушаръ, помощники его публично заявили, что въ жизни своей не видали челоуѣка, болѣе добродѣтельнаго, чѣмъ синьоръ Баше, дома,

болѣе почтеннаго, чѣмъ его домъ, и никогда еще не бывали на подобныхъ свадьбахъ; виноватыми же въ происшедшемъ они считали единственно себя, такъ какъ сами начали драку... Послѣ этого они прожили еще сколько-то дней, и съ той поры сеньоръ Баше наслаждался полнымъ покоемъ, а „свадьба Баше“ вошла въ пословицу.

Въ заключеніе еще одинъ вполне невинный рассказъ-миніатюръ, осколокъ парижской уличной жизни, который можно озаглавить „Плата за дымъ“.

Плата за
дымъ.

Въ Парижѣ, въ харчевнѣ Малаго Шатлэ, одинъ носильщикъ ѣлъ свой хлѣбъ, вдыхая въ то же время ароматъ готовившагося жаркого, и находилъ, что такимъ образомъ прокопченный, этотъ хлѣбъ былъ гораздо вкуснѣй. Хозяинъ не говорилъ ни слова, но когда хлѣбъ былъ съѣденъ, онъ схватилъ носильщика за шиворотъ и потребовалъ съ него платы за дымъ. Тотъ возразилъ, что не нанесъ ни малѣйшаго ущерба жаркому, а потому и не долженъ ничего платить: вѣдь чадъ поварни все равно пропадалъ зря, выходя наружу черезъ открытую дверь... Да и неслыханое дѣло, чтобъ на парижскихъ улицахъ торговали чадомъ жаркого! Хозяинъ, съ своей стороны, твердилъ, что не обязанъ кормить всякихъ бродягъ запахомъ своей стряпни, и грозилъ отнять у носильщика его крючки. Носильщикъ, вооружившись палкой, приготовился къ защитѣ. Перебранка вышла здоровая, и на шумъ ея сбѣжалась со всѣхъ сторонъ цѣлая стая зѣвакъ. Случился тутъ и Жанъ-дуракъ, парижскій гражданинъ.

Увидя его, хозяинъ харчевни предложилъ носильщику взять дурака въ третейскіе судьи. Тотъ согласился, и дуракъ, выслушавъ, изъ-за чего у нихъ разгорѣлся сырбѣръ, приказалъ носильщику достать изъ кошелька какую-нибудь монету. Тотъ вынулъ золотой. Дуракъ взялъ его, положилъ на лѣвое плечо, точно желая убѣдиться въ его полновѣсности; подбросилъ на ладони, и наконецъ прижалъ его къ глазу, какъ бы съ намѣреніемъ лучше разглядѣть его чеканку — и все это среди полного молчанія окружающихъ. Въ заключеніе онъ ударилъ монету нѣсколько разъ о порогъ, такъ, что она зазвенѣла, и потомъ, съ важностью

настоящаго предсѣдателя, держа въ рукѣ палку, на манеръ скиптра, и надвинувъ на лобъ свой дурацкій колпакъ съ ослиными ушами, внушительно кашлянулъ нѣсколько разъ и громко произнесъ:—Судъ постановляетъ, что носильщикъ, съѣвшій свой хлѣбъ подъ чадъ жаркого, достаточно заплатилъ за него звономъ своихъ денегъ. Въ виду этого судъ приказываетъ сторонамъ разойтись—безъ судебныхъ издержекъ. — Этотъ приговоръ парижскаго шута показался до такой степени справедливымъ, больше того, — изумительнымъ—ученымъ юристамъ, что они усумнились, могъ ли бы даже самъ Ареопагъ проявить въ подобномъ случаѣ большую мудрость.

Вотъ нѣсколько рассказовъ, выхваченныхъ нами почти наудачу изъ неисчерпаемой книги Раблэ. Ихъ тамъ еще много, не менѣе интересныхъ, но зато почти всегда и нецензурныхъ. Тонкая наблюдательность, глубокое знаніе души человѣческой, неподдѣльный юморъ и, главное, любовь къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ бьютъ въ нихъ черезъ край. Они даютъ намъ наглядное представленіе и о стилѣ Раблэ. Это стиль гротеска, но обусловленный не холоднымъ подражаніемъ, а сущностью его творческаго темперамента и изумительной энергіей воображенія. Рассказывая о чемъ-нибудь, Раблэ всецѣло отдается своей темѣ, какъ мужикъ въ кропильницу, до самого носа погружается въ созерцаніе развертывающихся передъ нимъ картинъ, возникающихъ образовъ: онъ видитъ жесты, выраженіе лицъ, слышитъ малѣйшія интонаціи голоса, и не можетъ ограничиться для передачи всего этого однѣми общими фразами. Ему необходимо употребить слово точное, техническое, да не одно, а нѣсколько, много, какъ можно больше, чтобы не упустить даже самой ничтожной подробности, и дать такимъ образомъ впечатлѣніе подлинной жизни. Онъ не можетъ, напримѣръ, просто сказать, что два глупыхъ челоѣка, въ родѣ гоголевскихъ Довгочхуна и Перерепенка, затѣяли тяжбу изъ-за выѣденнаго яйца и обмѣнялись на судѣ бессмысленными рѣчами: онъ воспроизведетъ дословно самыя эти рѣчи, чтобы дать намъ оцупать ихъ нелѣпость... Ему недостаточно сказать, что Діогенъ въ потѣ лица тру-

дился надъ своей бочкой, продѣлывая съ ней все, что только было возможно, — нѣтъ, онъ въ длинномъ перечнѣ глаголовъ отмѣтитъ каждое изъ дѣйствій Діогена, такъ же, какъ назоветъ всѣ предметы, купленные дровосѣкомъ Кулятри на доставшіяся ему деньги...

Взглянувъ на Ніагару, мы сохраняемъ и передаемъ полученное впечатлѣніе въ одной короткой фразѣ: я видѣлъ Ніагару. А между тѣмъ масса воды все продолжаетъ неудержимо падать и шумѣть. И нагромождая слова на слова, бросая ихъ сотнями и тысячами, оглушая насъ ими, Раблэ точно старается возсоздать передъ нами самый процессъ этой безостановочной гигантской работы, этотъ ошеломляющій потокъ „громадно-несущейся жизни“...

Отношеніе
Раблэ къ
женщинѣ.

Романъ Раблэ любопытенъ еще въ одномъ отношеніи: это романъ безъ любви. Глухо упоминается о связи Пантагрюэля съ какой-то парижской дамой, приславшей ему, когда онъ ее бросилъ, перстень съ фальшивымъ брилліантомъ, долженствовавшимъ символизировать его непостоянство... Но эта мимолетная интрига не оставила въ душѣ и жизни Пантагрюэля никакого замѣтнаго слѣда. Объясненіе— во взглядѣ Раблэ на женщину, въ которомъ грубый реализмъ фізіолога сочетается съ закоренѣлыми предразсудками человѣка среднихъ вѣковъ. *De femme je n'ai cure!*— Замѣчаетъ онъ однажды мимоходомъ. Женщины въ его глазахъ—существа, испорченныя отъ рожденія, и онъ ставитъ это въ прямую зависимость отъ находящагося у нихъ внутри специально женскаго органа, который, воплощая въ себѣ начало переменчивости и каприза, постоянно сбиваетъ ихъ съ толку и съ пути истины.

— Когда я говорю женщина, — заявляетъ у него ученый врачъ Рондибилисъ, — то я имѣю въ виду существо до такой степени хрупкое, измѣнчивое, непостоянное и несовершенное, что мнѣ думается, природа, создавая его, словно утратила тотъ здравый смыслъ, съ какимъ она творила всѣ прочія вещи. Размышляя объ этомъ неоднократно, я пришелъ къ заключенію, что природа заботилась скорѣй о томъ, чтобы дать мужчинамъ въ женщинѣ средство развлеченія, а также воспроизведенія рода, чѣмъ о

совершенствѣ женскаго естества, какъ такового. Не даромъ же Платонъ затруднялся, къ какому разряду причислить женщинъ—къ разряду ли разумныхъ существъ или животныхъ неразумныхъ...

— Почему вы съ такимъ недовѣріемъ относитесь къ женскому полу?—спросилъ однажды Пантагрюэль Панюржа, когда они гуляли въ окрестностяхъ Парижа.

— Я встрѣтилъ какъ-то разъ нищаго, — отвѣтилъ Панюржъ, — у котораго сзади и спереди въ двухъ перекидныхъ корзинахъ сидѣло по дѣвчкѣ, и спросилъ его, невинны ли онѣ?—За эту, которая у меня на глазахъ, — отвѣтилъ онъ, — я вамъ ручаюсь; ну а вотъ о той, что сзади, ничего не могу вамъ сказать...

Цѣлая глава романа Раблэ посвящена доказательству и иллюстраціи той истины, что женщины всегда хотятъ недозволеннаго.

— Буду ли я рога носцемъ?—освѣдомляется Панюржъ у того же Рондибилиса. — Милость Господня! — восклицаетъ тотъ:—о чемъ вы спрашиваете? будете ли вы рога носцемъ?! Другъ мой, я женатъ. Рано или поздно вы женитесь тоже. Такъ зарубите же себѣ на носу, что тѣнь не съ большимъ постоянствомъ слѣдуетъ за нашимъ тѣломъ, чѣмъ рога за женитьбой. И если, услышавъ о комъ-нибудь, что онъ женатъ, вы скажете: значитъ, онъ есть, былъ или будетъ рога, то никто не обвинитъ васъ въ неумѣньи дѣлать правильныя умозаключенія.

Число подобныхъ выписокъ могло бы быть значительно увеличено, и всѣ онѣ убѣдили бы насъ, что Раблэ былъ самага низкаго мнѣнія о женщинахъ. Однако онъ не хочетъ совершенно лишать мужей надежды на возможность семейнаго счастья, и рекомендуетъ имъ для достиженія его довольно вѣрное средство, содержащее въ себѣ въ то же время полезный нравственный урокъ представителямъ сильнаго пола.

— Чтобы удержать женщину на правомъ пути, — говоритъ Панюржу добрый теологъ Гипотадей, — вы тоже должны съ своей стороны любить ее, служить ей хорошимъ примѣромъ и вести такую же чистую, цѣломудренную, добродѣ-

тельную жизнь, какой и отъ нея требуете. Ибо, подобно тому, какъ не то зеркало считается наилучшимъ, которое вставлено въ роскошную раму, а то, которое вѣрно отражаетъ предметы, такъ и не та жена всего дороже, которая богата, красива, нарядна и знатна, а та, которая стремится угодить Богу и предана мужу.

Панюржъ вѣдь именно потому и будетъ роконосцемъ, что самъ развратитъ свою жену.

**Цинизмъ Раблэ и правильное отноше-
ние къ нему** Здѣсь ужъ кстати будетъ обсудить и еще одинъ вопросъ—именно о цинизмѣ Раблэ. Во всѣхъ приведенныхъ нами рассказахъ есть такія подробности и выраженія, которыхъ повторить вслухъ невозможно. Таковъ и весь романъ: трудно было бы указать въ немъ главу, даже страницу, вполне свободную отъ этого элемента. И онъ составляетъ отнюдь не внѣшнюю прибавку къ содержанію романа, а самую внутреннюю его сущность, безъ которой онъ былъ бы не тѣмъ, что есть. Произведеніе Раблэ,—справедливо замѣчаетъ Миллэ,—прекрасная, но грязная постройка, и эту грязь нельзя удалить изъ нея, потому что для этого пришлось бы разрушить и самыя стѣны. И онъ прибавляетъ, что таковы же были и тогдашніе дворцы: роскошь совмѣщалась въ нихъ съ крайней неопрятностью.

Какъ же отнестись намъ къ этой особенности Раблэ?—Поищемъ ей объясненій. Тутъ прежде всего намъ придется стать на точку зрѣнія историческую. Эксцессы Раблэ окажутся тогда эксцессами его эпохи, и это сниметъ съ него значительную часть вины, если таковая вообще имѣется. То было время воскресенія плоти, которое Раблэ символически изобразилъ въ своихъ гигантахъ. И во всѣхъ странахъ тогдашней Европы эта плоть въ ознаменованіе своей побѣды надъ врагомъ позволяла себѣ циническія выходки. Всякая реакція сопровождается крайностями. Во-вторыхъ, надо принять въ расчетъ происхожденіе Раблэ: онъ вышелъ изъ народа, а народъ, по вѣрному замѣчанію Миллэ, часто сквернословитъ съ добродушнымъ безстыдствомъ (которое, добавимъ отъ себя, отнюдь не доказываетъ еще внутренней испорченности). Въ-третьихъ, Раблэ былъ врачъ, а врачи ко многому привыкли относиться иначе, чѣмъ люди другихъ

профессій. Въ романѣ ученый врачъ Рондибилисъ, съ безстрастіемъ настоящаго физиолога, разсматриваетъ различныя средства, которыми можно подавить въ человѣкѣ плотскую похоть: это, во-первыхъ, усиленный трудъ; во-вторыхъ, злоупотребленіе спиртными напитками и, наконецъ, пресыщеніе половыми отношеніями. Правда, когда Панюржъ говорить, что дожидался этого послѣдняго исхода, и оставляетъ его для себя, а братъ Жанъ замѣчаетъ, что этимъ способомъ умерщвляли свою плоть еще отшельники Оиваиды, то ихъ циническія реплики набрасываютъ и на всю диссертацию Рондибилиса нѣкую тѣнь, подобную „оплодотворяющей тѣни монастырской колокольни“. Но все-таки Рондибилисъ говоритъ вполне серьезно. Наконецъ, цинизмъ Раблэ имѣетъ еще и философскую подкладку, служить у него сознательно употребляемымъ орудіемъ борьбы съ идеалами католицизма. Онъ противопоставляетъ свою откровенную рѣчь набожному языку ханжей, какъ безстыжее дѣтство Гаргантюа—приличнымъ фигурамъ ангеловъ, намалеванныхъ на церковныхъ стѣнахъ... Не надо также смѣшивать нравственнаго съ приличнымъ. По этому поводу напомнимъ слова акад. Веселовскаго изъ предисловія къ Декамерону: „Въ смыслѣ пристойности мы усовершенствовали декорумъ до ханжества, все окутывающаго флеромъ и все позволяющаго видѣть“. Этотъ флеръ гораздо больше развращаетъ воображеніе, чѣмъ полное отсутствіе покрововъ.

Раблэ ходитъ передъ нами нагишомъ. Покажемъ же себя достойными его довѣрія, сдѣлаемъ видъ, что не замѣчаемъ странности его костюма и, какъ Навзикая съ Улиссомъ, поговоримъ съ нимъ дружески о серьезныхъ вещахъ. Съ нимъ есть о чемъ поговорить. Какъ ни богатъ романъ Раблэ нецензурностями всякаго рода, но когда берешь его въ цѣломъ, когда послѣ чтенія закрываешь книгу, не онѣ выступаютъ прежде всего въ сознаніи, а тѣ простыя слова житейской мудрости, тѣ добрыя чувства, тѣ гуманныя идеи, которыми вся она, эта книга, проникнута.

Посмотримъ, что хотѣлъ поставить Раблэ на мѣсто раз-Идеалы Раблэ
рушеннаго имъ міра, чѣмъ думалъ замѣнить средневѣковую его житей-
религію, мораль, науку, философію, педагогію и политику? ская фило-
софія.

Религія.

Религіозныя возрѣнія Раблэ очень широки и не укладываются не только въ рамки католицизма, но, пожалуй и вообще церковнаго христіанства. Правда, Пантагрюэль не можетъ удержаться отъ слезъ при воспоминаніи о страданіяхъ Христа; но даже это доказываетъ скорѣй, что онъ видитъ въ Христѣ главнымъ образомъ человѣка. Внѣшнимъ проявленіямъ религіозности, обрядамъ, Раблэ не придаетъ ровно никакого значенія. Его „настоящій монахъ“ братъ Жанъ замѣчательнѣе именно тѣмъ, что лихо „отдираетъ“ утреню, на почтовыхъ служитъ обѣдню и на курьерскихъ—всенощную. „Винослуженіе“ для него гораздо важнѣй богослуженія. Такъ же отрицательно относится Раблэ и (къ неизбѣжно извращенному) культу святыхъ, къ посту и паломничествамъ.—Зачѣмъ вы ходили къ Св.-Севастіану?—спрашиваетъ Грангузье паломниковъ, которыхъ чуть не съѣлъ Гаргантюа съ листьями салата. — Мы ходили, — отвѣчалъ Ласдаллеръ, — молить святого не насылатъ на насъ моровой язвы. — Ахъ! — Сказалъ Грангузье, — неужели вы думаете, что моровую язву насылаетъ св. Севастіанъ? — Воистину такъ, — отвѣчалъ Ласдаллеръ: — наши проповѣдники это утверждаютъ. — Неужели, — продолжалъ Грангузье, — лжепророки учатъ васъ подобному вздору? неужели они взводятъ такую хулу на праведниковъ и угодниковъ божіихъ и приравниваютъ ихъ къ дьяволу, который причиняетъ только одно зло людямъ?.. Меня удивляетъ, что вашъ король позволяетъ проповѣдывать такія скандальныя вещи въ своемъ королевствѣ... И отпуская паломниковъ, мудрый гигантъ напутствуетъ ихъ слѣдующими словами: — Ступайте, бѣдные люди, во имя всемогущаго Творца, и да хранитъ Онъ васъ отъ всякихъ золъ. А впредь не предпринимайте такъ легкомысленно и необдуманно такихъ трудныхъ, бесполезныхъ путешествій. Содержите свои семьи, трудитесь каждый въ своей области, учите своихъ дѣтей и живите, какъ указываетъ добрый апостолъ Павелъ...

Свое отношеніе къ посту Раблэ выражаетъ, во-первыхъ, иносказательно, рисуя его въ видѣ костляваго, грязнаго и злобнаго существа; и прямо—отъ лица Панюржа и Пантагрюэля: когда передъ вступленіемъ на островъ папимановъ

одинъ „добрый отшельникъ“ заставляетъ путешественниковъ пять дней поститься, то Панюржъ говоритъ:—Боюсь, что не угожу вамъ, потому что я не мастеръ этого дѣла... Я гораздо больше забочусь о томъ, чтобы не положить зубы на полку...—Если ужъ необходимо поститься,—замѣчаетъ въ свою очередь Пантагрюэль,—то всего лучше поскорѣй покончить съ этимъ, подобно тому, какъ слѣдуетъ торопиться проѣхать дурную дорогу.

Въ средневѣковой религіи Богъ и чортъ взаимно уравновѣшивали другъ друга, если только чортъ даже не перевѣшивалъ. По крайней мѣрѣ Дантовъ Адъ и Люциферъ, лежащій на днѣ его, гораздо реальнѣе Рая и всѣхъ населяющихъ его небесныхъ силъ. Съ измѣненіемъ характера религіи и идеала нравственности и этотъ культъ дьявола долженъ былъ отпасть. Раблэ обращается съ чортомъ за панибрата, фамиллярно похлопываетъ его по плечу, трясетъ за хвостъ и выражаетъ явное къ нему презрѣніе. Мы видѣли, какъ околпачила чорта старуха-панфигьерка. Эпистемонъ, одинъ изъ свиты Пантагрюэля, самъ побывалъ въ аду, и не нашелъ тамъ и тѣни тѣхъ ужасовъ, о которыхъ рассказывалъ Дантъ. Вся разница между тамошней и здѣшней жизнью заключается въ томъ, что въ аду многое происходитъ наизусть: напримѣръ, бѣдные философы держатъ тамъ въ рабствѣ королей. Но сами черти—добрые ребята: Эпистемонъ запросто бесѣдовалъ съ Люциферомъ и очень пріятно провелъ съ нимъ время. А по словамъ Панюржа, знаменитый профессоръ діаволологіи въ Толедо съ кафедры заявлялъ студентамъ, что черти—существа тѣлесныя и въ качествѣ таковыхъ проницаемы — напримѣръ, для шпаги (peuvent patir solution de continuité)...

Въ общемъ религія Раблэ есть, можно сказать, свѣтлый деизмъ сердца (хоть это и противорѣчіе), осложненный нѣкоторыми свободно понимаемыми догматами христіанства. Онъ не только признаетъ благое Провидѣніе, правящее міромъ, не только видитъ въ немъ абстрактную первопричину космическаго движенія, но и любитъ Его истинно—сыновней любовью, какъ Отца всей земной твари, безъ воли котораго и волосъ не упадетъ съ головы человѣка. Когда Панюржъ

спрашиваетъ теолога Гипотадея, будетъ ли онъ рогоносцемъ, тотъ отвѣчаетъ:—Никоимъ образомъ, если это не будетъ угодно Богу.—Панюржъ сердится: ссыла не неисповѣдимые пути Божіи кажется ему насмѣшкой.—Другъ мой,—кратко останавливаетъ его богословъ:—прошу васъ, не толкуйте моихъ словъ въ дурную сторону. Развѣ я васъ обидѣлъ, сказавъ,—какъ Богу будетъ угодно? развѣ это худо сказано?... Развѣ это не значить почитать Господа, Создателя, Покровителя и Творца? развѣ это не значить признавать, что всѣ мы зависимъ отъ Его благодати? Безъ Него ничто не можетъ быть, ничто не имѣетъ значенія и силы, если Его святая благодать не почіетъ надъ нами... Читъ это премудрое и доброе Существо Раблэ представлялъ каждому посвоему... И что же можетъ быть справедливейе?

Мораль.

Мораль Раблэ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ его религіей. Въ сущности, послѣдняя даже коренится въ первой, а эта въ свою очередь вытекаетъ изъ самой природы человѣка. Въ противность среднимъ вѣкамъ, рѣзко разграничивавшимъ небо и землю и сводившимъ Бога въ мірскую юдоль лишь для суда и казни грѣшниковъ, Раблэ выводитъ Бога изъ чистѣйшихъ глубинъ человѣческаго естества и не позволяетъ ему подниматься въ тѣ трансцендентныя сферы, гдѣ Онъ становится для насъ недосягаемъ, и гдѣ Его воля начинаетъ противорѣчить Имъ же установленнымъ законамъ природы. Что человѣчески хорошо—разумно, радостно, свѣтло,—то религіозно истинно—вотъ, кажется, главный догматъ Раблэ.

Телемъ.

На вѣрѣ въ исконную человѣческую добродѣтель построена и сладкая греза Телема—идеальнаго общежитія, которое Гаргантюа воздвигаетъ въ угоду удалому монаху брату Жану. Зданіе это великолѣпно—красиво снаружи и удобно внутри. Въ немъ свыше 9.000 покоевъ, состоящихъ каждый изъ трехъ комнатъ. Оно населено мужчинами и женщинами, которыхъ душевное благородство отражается въ ихъ тѣлесной красотѣ. Единственнымъ закономъ ихъ дѣятельности служить начертанный на вратахъ обители девизъ: Дѣлай, что хочешь! Самое названіе—Телемъ—по-гречески означаетъ свободное желаніе.

Такъ живутъ здѣсь прекрасные юноши и дѣвы, взаимно соглашая свои привычки, вкусы, занятія, и почти каждый мужчина, покидая этотъ свѣтлый пріютъ, уводитъ съ собой подругу, чтобы продолжать за его стѣнами ту же разумную и радостную жизнь...

— Хорошо, хоть и несбыточно,—скажешь сначала, невольно любясь изящной мечтой. Потомъ раздумаешься: да, хорошо; но не слишкомъ ли аристократично и—главное—не слишкомъ ли скучно? Скажите, хотѣли ли бы вы жить въ Телемѣ? Нѣтъ, никоимъ образомъ! Вѣдь жизнь борьба, а здѣсь—полное затишье, жизнь—трудъ, а здѣсь царствуетъ праздность, жизнь—погоня за идеаломъ, а здѣсь онъ достигнуть...

Телемъ скорѣй реминисценція монаха, видѣніе эстета, чѣмъ программа социолога. По вѣрному замѣчанію Lenient, въ немъ оказалась также извѣстная душевная усталость—неизбѣжное слѣдствіе разочарованій, постигшихъ тогдашнихъ вольнодумцевъ. Это ковчегъ, который Раблэ строитъ для себя и для своихъ друзей въ виду наступающаго потопа реакціи... Oh, dommageable et pénible déluge, déluge, dis-je, et à bonne raison! (стихи Mellin de S. Gelais, котораго Раблэ въ шутку называлъ Мерлиномъ).

Къ чести Раблэ надо однако сказать, что, возведя свой Телемъ, онъ самъ отъ него отвернулся и пошелъ, куда глаза глядятъ, на поиски приключеній и счастья, вмѣстѣ съ братомъ Жаномъ, Панюржемъ и Пантагрюэлемъ... Было для него, какъ и для насъ, нѣчто лучшее, чѣмъ вѣчный праздникъ Телема,—это именно жизнь, съ ея шумной, лихорадочной суетой, съ ея волненіемъ, страданіями, радостями, тѣнями и свѣтомъ... Нѣчто высшее, чѣмъ безгрѣшная добродѣтель,—то высочайшее напряженіе въ человѣкѣ жизненныхъ силъ, которое даже и великую подлость можетъ возвести на степень великой добродѣтели...

Что дѣлалъ бы въ Телемѣ братъ Жанъ, куда бы онъ дѣвалъ тамъ свою силу? кто позволилъ бы ему тамъ каждую минуту клясться и богохульствовать „для красоты слога“? во что превратилъ бы онъ великолѣпныя телемскіе ковры и стѣны? Посмотрите, какъ онъ расправляется на

Любимцы
Раблэ.

Братъ Жанъ.

полѣ брани съ непріятелемъ, и скажите, не тѣсенъ ли для такого богатыря какой угодно огромный залъ?—Оставшись въ одномъ подрясникѣ и вооружившись древкомъ хоругви, длиннымъ, какъ копье, и толщиной въ кулакъ, онъ принялся крошить враговъ направо и налево: однимъ пробивалъ голову, другимъ ломалъ руки и ноги; кому угодить въ затылокъ, кому въ поясницу, разбивалъ носы, подбивалъ глаза, выворачивалъ скулы, вышибалъ зубы, дробилъ лопатки, ломалъ ребра... Кто прятался въ густыхъ лозахъ, того онъ тузилъ по спинѣ, какъ собаку, кто спасался бѣгствомъ, тому разбивалъ черепъ; кто карабкался на дерево, въ того втыкалъ палку снизу, какъ колъ. Если кто изъ старыхъ знакомыхъ кричалъ ему:—эй, братъ Жанъ, другъ мой, я сдаюсь!—Дѣло твое,—отвѣчалъ онъ:—а все-таки ты отдашь душу чорту!—и молотилъ его палкой. Такимъ же образомъ направляется онъ на островъ Прокураціи съ ябедниками, которые этимъ зарабатываютъ себѣ хлѣбъ. Его стихія—буря, въ родѣ той, которую путешественники претерпѣваютъ на морѣ послѣ встрѣчи съ монахами, плывшими на Тридентскій соборъ. Панюржъ самъ не свой отъ страха; зато братъ Жанъ работаетъ во всю.—Тысячи милліоновъ чертей взяли бы этого чортова рогоносца!—вдохновенно ругается онъ.—Помоги намъ, скотина ты этакая! Поди сюда! неужто ты не сдвинешься съ мѣста? Глава Господня, полная реликвій! да что ты тамъ бормочешь сквозь зубы? какую обезьянью молитву? ...Богомъ клянусь, если останусь живъ, то здорово отдую этого лѣниваго чорта!.. Сюда, юнга, голубчикъ, держись крѣпче, пока я завяжу греческій узелъ! Эпистемонъ, прочь отъ люка—я видѣлъ, какъ въ него упала молнія! Боже милосердный, что случилось? Носъ разлетѣлся вдребезги!.. На бакбордъ! и т. д. Такъ кричитъ и орудуетъ неутомимый братъ Жанъ въ то время, какъ Панюржъ реветъ отъ страха, а Пантагрюэль, зорко вглядываясь въ даль, сидитъ у руля и спокойно ожидаетъ, когда можно будетъ воскликнуть наконецъ: земля! земля!.. А какъ пѣть этотъ самый братъ Жанъ! вотъ ужъ воистину „по-богословски“!.. Что для него земля безъ виноградниковъ!.. Добрый былъ монахъ, упокой, Господи, его душу.

Иного сорта человѣкъ Панюржъ. Въ немъ тоже неистощимый запасъ энергіи; ея у него даже больше, чѣмъ у брата Жана. Но въ то время, какъ Жанъ направляетъ ее на цѣли болѣе или менѣе разумныя, на достиженіе того, что полезно и нужно ему самому или другимъ, Панюржъ тратитъ свои силы зря, на злыя, большею частью, забавы, результатами которыхъ иногда самъ даже не имѣетъ возможности полюбоваться. Напримѣръ, подпавая грумовъ, стерегущихъ у подѣздовъ господскихъ муловъ, онъ незамѣтно подрѣзываетъ стремянные ремни у сѣделъ, и когда хозяева потомъ пробуютъ сѣсть верхомъ, то ремни лопаются и при громкомъ хохотѣ зѣвакъ они падаютъ на землю. Панюржу доставляетъ удовольствіе, во-первыхъ, самое это зрѣлище, а потомъ—и главнымъ образомъ—мысль,—какую баню зададутъ потерпѣвшіе своимъ пажамъ дома!.. По ночамъ онъ устраиваетъ на улицахъ проволочныя загражденія и смотритъ изъ-за угла, помирая со смѣху, какъ спотыкается на нихъ и расшибаетъ себѣ носы ночная стража. Онъ ходитъ въ церковь и на гулянья, но не для того, чтобы молиться или принимать участіе въ общемъ весельи, а чтобы и тамъ дѣлать всякія гадости людямъ: онъ набираетъ цѣлые пакеты блохъ и осыпаетъ ими молящихся, отъ чего у тѣхъ начинается нестерпимая чесотка; специальными крючками онъ сцѣпляетъ платья гуляющихъ кавалеровъ и дамъ, и этимъ подаетъ поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и скандаламъ; дѣлая видъ, что пробуетъ добротность матеріи, онъ пачкаетъ масляными пальцами одежду незнакомыхъ ему людей; въ залахъ общественныхъ учрежденій обмазываетъ скамьи и барьеры такой невѣроятной мерзостью, что отъ одного ея запаха у присутствующихъ начинается рвота... Его любовныя объясненія съ женщинами отличаются такимъ возмутительнымъ цинизмомъ, что нѣтъ никакой возможности не только повторить ихъ, но даже сколько-нибудь приличнымъ образомъ намекнуть, въ чемъ они заключаются... Но развѣ мыслимо перечестъ всѣ продѣлки Панюржа? Въ нихъ вмѣстѣ съ дьявольской изобрѣтательностью обнаруживается чудовищная злоба шута, человѣка безъ своего законнаго мѣста въ обществѣ, отверженца и парія,—злоба на весь безъ

исключенія родъ людской. Всѣхъ обижая направо и налево, Панюржъ никому не прощаетъ обидъ. Особенно не выносить онъ клички шута, которую люди иногда бросаютъ ему въ лицо. Его месть за нее торговцу баранами, встрѣченному путешественниками въ морѣ, жестока и безпощадна. Притворившись, будто пропустилъ мимо ушей оскорбленіе, Панюржъ выторговалъ у купца лучшаго въ стадѣ барана и столкнулъ его съ корабля въ море. Остальные попрыгали за нимъ. Купецъ съ помощниками бросились ихъ спасать и тоже всѣ перетонули. А пока они еще барахтались въ волнахъ, Панюржъ отпихивалъ ихъ отъ борта шестомъ и читалъ имъ назидательныя проповѣди...

Онъ съ удовольствіемъ напакостилъ бы вѣроятно самому Богу, если бы могъ до Него достать и не боялся бы адскихъ мученій. Но развѣ существуетъ для него загробная жизнь? Да, душа этого смѣлаго проходимца, берущаго съ церковныхъ тарелокъ больше сдачи, чѣмъ сколько онъ на нихъ положилъ, оскорбляющаго святыню храмовъ своимъ злобнымъ гаерствомъ, — душа его полна суевѣрій и средне-вѣковыхъ страховъ. Онъ трепещетъ при мысли о страшномъ судѣ. Когда умирающій поэтъ Раминогробисъ откровенно ругаетъ назойливыхъ монаховъ, слетѣвшихъ къ нему со всѣхъ сторонъ, какъ вороны на падаль, Панюржъ пугается его еретичества: ему кажется, что комната наполняется чертами, и въ мистическомъ ужасѣ онъ выбѣгаетъ на воздухъ...

Таковъ этотъ человѣкъ. Въ немъ мало хорошаго. Спрашивается, за что же любить его Раблэ, почему такъ близко къ сердцу принимаетъ его интересы Пантагрюэль? Почему Панюржъ становится неизмѣннымъ спутникомъ его жизни, хотя между ними и существуетъ такая глубокая и очевидная разница? — *Jch möchte lieber ein lebendiger Hund sein, als ein tochter Löwe*, — говоритъ одинъ искренній человѣкъ у Гейне (повторяя, впрочемъ, слова Экклезіаста). И за одно это свое признаніе онъ заслуживаетъ нашего уваженія: въ этихъ словахъ сказала не только его искренность, но и его горячая привязанность къ жизни, а любить жизнь есть уже добродѣтель, за которую можно простить человѣку многое. Такъ прощаетъ Панюржа Раблэ; онъ не только про-

щаетъ его, но и причисляетъ къ небольшому избранному обществу положительныхъ типовъ своего романа, больше того — онъ восхищается имъ, хотя въ то же время ни на минуту не спускаетъ его съ глазъ, какъ добрый наставникъ — шаловливое дитя. Конечно, онъ чувствовалъ, что въ немъ самомъ было нѣчто отъ Панюржа, хотя бы, напри- мѣръ, доля его дразнящей изворотливости: иначе какъ же удалось бы ему столь счастливо лавировать между костровъ инквизиціи? А онъ ускользнулъ отъ нихъ, не желая жертвовать своею жизнью тому, что онъ называлъ „одними простыми предположеніями“. Съ истинно панюржевскимъ юморомъ онъ признавался, что готовъ отстаивать свои убѣжденія вплоть до костра... исключительно! И хорошо дѣлалъ; а то намъ не пришлось бы теперь пожалуй наслаждаться красотами его необыкновеннаго романа... Да! побольше живыхъ собакъ, бодро несущихъ иго своего ничтожества и дѣйствующихъ по мѣрѣ своего разумія; поменьше мертвыхъ львовъ, коченѣющихъ въ цѣпяхъ собственной добродѣтели, которую они (большей частью не напрасно) боятся подвергнуть пробѣ, — и посмотрите, какъ оживится лицо земли! Въ этомъ вѣчное оправданіе Панюржей... Какъ хорошо, какъ человѣчески правдивъ этотъ неисправимый жизнелюбецъ въ сценѣ бури, когда въ минуту смертельной опасности трясется, какъ осиновый листъ, отъ страха, общаетъ щедрые дары святымъ и завидуетъ людямъ, которые теперь „сажаютъ капусту“. Почему онъ имъ завидуетъ? Да потому, что у нихъ одна нога стоитъ на твердой землѣ, а другая — отъ нея неподалеку, — а что же можетъ быть желаннѣе этого? То голосъ древняго грека вѣщаетъ намъ его устами нетлѣнную истину: лучше быть послѣднимъ поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ поляхъ Елисейскихъ! Кто не согласенъ съ этимъ, пусть броситъ камень въ Панюржа...

Конечно, Раблэ предпочелъ бы видѣть людей добродѣтельными; только и добродѣтель ихъ должна быть активной, а не пассивной. Въ этомъ отношеніи его гиганты вносятъ необходимую поправку въ типъ Панюржа. Однако ихъ совершенства — столько же результатъ врожденнаго

Воспитаніе и образованіе.

За что Раблэ любилъ Панюржа?

благородства, сколько и правильно поставленного воспитания. Задолго до Руссо Раблэ признает необходимость упражнять въ человѣкѣ не только духъ, но и тѣло, на которое духъ опирается; задолго до Руссо ставитъ нравственное развитіе выше односторонней умственной культуры; задолго до Руссо кладетъ въ основу разумной педагогіи изученіе природныхъ склонностей ребенка. Если его научная программа, какъ она изложена въ письмахъ Грангузье и Гаргантюа, слишкомъ обширна, если она обнимаетъ весь циклъ гуманистическихъ знаній и соединяетъ солидное филологическое образованіе съ широкой освѣдомленностью въ наукахъ естественныхъ, то это потому, что Раблэ предполагалъ въ своихъ гигантахъ ненасытимую любознательность и громадную силу поглощенія, какія и дѣйствительно были свойственны многимъ людямъ той эпохи. Могій вмѣстѣ да вмѣстѣ. Раблэ былъ самъ энциклопедистомъ и сочеталъ въ себѣ богослова съ естествоиспытателемъ, знающаго юриста съ просвѣщеннымъ врачомъ—и археолога съ поэтомъ. Впрочемъ, письмо Гаргантюа, содержащее въ себѣ перечень необходимыхъ человѣку знаній, датировано изъ Утопіи—знакъ, что и ему самому его программа казалась не вполне осуществимой. Да и не въ ней въ концѣ концовъ дѣло, а въ тѣхъ здоровыхъ принципахъ, на которые было указано выше, и въ глубокомъ замѣчаніи Гаргантюа: наука безъ совершенства нравственного — только порча души...

Политическій идеалъ Раблэ. Отъ кого же зависитъ дать въ жизни торжество этимъ разумнымъ и добрымъ началамъ, между прочимъ изсушить „вонючее Сорбоннское“ (Сербонское) озеро, о которомъ будто бы упоминаетъ еще Плиній? — Отъ мудрыхъ и просвѣщенныхъ монарховъ. Это приводитъ насъ къ вопросу о политическихъ идеалахъ Раблэ. Въ чемъ они заключались? Мы видѣли его социальную утопію—Телемъ: это отнюдь не коммуна, а, такъ сказать, невинная аристократическая республика, очень замкнутая и находящаяся притомъ подъ опекой самодержавной власти. Дорэ въ своей иллюстраціи превосходно выразилъ эту мысль Раблэ: облокотясь на стѣну Телема, Гаргантюа съ благодушнымъ вниманіемъ глядитъ

на копошащуюся въ немъ жизнь... Это либо противорѣчіе, либо несбыточная мечта; но таковъ ужъ былъ политическій идеалъ Раблэ: республика de gens bien nées подъ сѣнью благосклоннаго абсолютизма. Критикуя нравы и ученіе католической церкви, Раблэ не хотѣлъ ея ниспроверженія и отрецивался отъ протестантизма и „женевскихъ обманщиковъ“; осуждая злоупотребленія властью и легкомысленную неосмотрительность монарховъ Европы, онъ не желалъ однако революціи: долой Пикрошолей, но да здравствуютъ Грангузье. Онъ забывалъ при этомъ, какъ легко и почти неизбежно послѣдніе превращаются въ первыхъ, и мечталъ вслухъ вмѣстѣ съ паломниками: О, блаженна страна, живущая подъ властью такого человѣка! Если это и ошибка, то—благородная.

Теперь подведемъ итоги.

Изъ всего сказаннаго должно быть, намъ думается, ясно, что несмотря на всю свою безшабашность и видимую необузданность, Раблэ былъ очень уравновѣшенной, здорово-жизнерадостной натурой и при выдающемся художественномъ талантѣ обладалъ замѣчательно трезвымъ, спокойнымъ и, если можно такъ выразиться, благожелательнымъ умомъ. Его эксцессы въ сущности не болѣе, какъ игра волнъ на поверхности могучей груди моря, въ нѣдрахъ котораго царитъ невозмутимая тишина. Умѣренность — характерная черта его воззрѣній. Не пошлая умѣренность самодовольнаго ничтожества; не та, что состоитъ въ готовности подчиняться всѣмъ и всему ради сохраненія, хотя бы и скуднаго, земного благополучія, — нѣтъ, а мудрая умѣренность опытнаго и стойкаго человѣка, знающаго, что злоба и нетерпѣніе — признаки слабыхъ и бѣдныхъ душъ, свойства суетливыхъ и заносчивыхъ Пикрошолей, которымъ ничего свершить не дано, а суждено истощаться въ безплодныхъ порывахъ. Этой умѣренности учить насъ притча о Кулятри; ея печатью отмѣчены слова и дѣла благодушныхъ королей-гигантовъ; ее проповѣдуетъ намъ Раблэ и отъ своего лица въ одной изъ главъ своего романа:

— Не говорите, что не согласились бы продать своихъ желаній и за 10.000 франковъ чистоганомъ; и отнынѣ не

говорите безъ зазрѣнія совѣсти, какъ я это отъ васъ иногда слышалъ: „ахъ, дай мнѣ, Боже, получить сто семьдесятъ восемь милліоновъ золотомъ, тогда я бы сталъ человѣкомъ!“. Эхъ, вы, ослы! Что же послѣ этого пожелать королю, императору, папѣ? Да вы и по опыту можете видѣть, что, высказывая такія желанія, вы наживаете только парши да овечью оспу и ни гроша въ карманъ, какъ тѣ двое парижскихъ нищихъ, изъ которыхъ одинъ пожелалъ получить столько золотыхъ монетъ, сколько ихъ было въ обращеніи въ Парижѣ съ самаго его основанія по сей часъ, и притомъ по самому высокому курсу. Какъ по вашему, вѣдь малый былъ не промахъ? То-то разлетѣлся съ ковшомъ на брагу? по монастырской ковригѣ вздумалъ за щеку метать! А другой пожелалъ, чтобъ Соборъ Парижской Богоматери былъ сверху донизу наполненъ острыми иголками, и чтобы у него было столько золота, сколько вошло бы въ мѣшки, сшитые всѣми тѣми иголками! Вотъ это значитъ желать, такъ желать! Но что же изъ этого вышло? Къ вечеру у каждого изъ нихъ оказались вередъ на пяткѣ, ракъ на подбородкѣ, туберкулы въ легкихъ, катарръ въ горлѣ, карбункулъ на крестцѣ, а хлѣба—ни корки!...

Вы скажете: для Бога все равно, дать ли мнѣ семьдесятъ восемь тысячъ или одну полушку, потому что Онъ всемогущъ. Милліонъ золота для Него такая же бездѣлица, какъ грошъ. Эге-ге! А ваше ли это дѣло, бѣдные люди, такъ разсуждать и толковать о всемогуществѣ и предопредѣленіи Божиѣмъ? Смиритесь передъ Его святою волей и признайте свои несовершенства.

Такъ-то. Яснѣй выразиться нельзя.

Что такое, наконецъ, самый „пантагрюэлизмъ“? Извѣстная „веселость духа, настоенная на презрѣніи къ превратностямъ судьбы“, то-есть опять нѣкоторое среднее самочувствіе, болѣе близкое къ оптимизму. Имъ полна книга Раблэ. И, право, этотъ пантагрюэлизмъ—хорошая вещь: если онъ не сдѣлаетъ насъ энтузіастами, то спасетъ и отъ отчаянія; если не вселитъ охоты летѣть на небо, то зато тѣмъ крѣпче привяжетъ къ землѣ, а главное—сообщитъ намъ ту спокойную широту взгляда, которая не поз-

Пантагрюэ-
лизмъ.

волить намъ ссориться другъ съ другомъ изъ-за выѣденнаго яйца...

Выясняя самъ цѣну всего имъ написаннаго, Раблэ вступаетъ въ слѣдующій воображаемый разговоръ съ читателемъ:—Мэтръ,—говоритъ ему читатель,—намъ кажется, что съ вашей стороны не слишкомъ-то умно рассказывать намъ всѣ эти пустяки и прибаутки.—Да,—отвѣчаетъ онъ,—но вѣдь и вы обнаруживаете не больше ума, читая ихъ съ удовольствіемъ. Однако если вы дѣлаете это ради веселаго времяпровожденія, какъ и я писалъ—между дѣломъ,—то мы съ вами больше заслуживаемъ снисхожденія, чѣмъ огромное множество лицемѣровъ и другихъ вредныхъ людишекъ, которые надѣваются на себя разнаго рода личины, чтобы обманывать народъ. И если вы желаете быть истинными пантагрюэлистами, то-есть жить въ мирѣ радости, тѣлесномъ здравіи и благополучіи, то не слушайтесь тѣхъ, что смотрятъ на свѣтъ Божій точно сквозь какую-то щель...

Vivez joyeux!...

Въ заключеніе приведемъ, хоть и въ весьма несовершенномъ переводѣ, стихи, предпосланные Раблэ кн. I-ой романа.

Друзья читатели, къ сей книгѣ приступаю,
Стыдливость ложную откиньте напередъ
И не смущайтесь душой, ее читая,—
Вреда навѣрно вамъ она не принесетъ.
Душеполезное жъ въ ней тотъ изъ васъ найдетъ,
Кто радъ при случаѣ отъ сердца посмѣяться...
Сей цѣлью скромною единственно задаться
При вашей мрачности я не почелъ за грѣхъ:
Смѣяться лучше вѣдь, чѣмъ скорби предаваться—
Иль для чего жъ тогда дарованъ людямъ смѣхъ?

Раблэ хорошо смѣялся. А кто хорошо смѣется,—сказалъ Достоевскій,—тотъ хорошій человѣкъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ОПЕЧАТКИ:

На страницѣ	Въ строкѣ	Напечатано	Слѣдуетъ читать
13	15 сверху	совершенст- вовались	совершенство- вались
23	1 сверху	пародія	пародіи
28	8 сверху	tring	tring
29	1 снизу	по богословки	по богословски
31	8 сверху	вразумительно	вразумительна
32	14 сверху	et cathedra	ex cathedra.
